

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ.

РУССКІЯ ЖЕНЩИНЫ

НАРОДНЫЕ ОБРАЗЫ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1918.

Почауаю

С. М. Пензабой-Доберно.

РУССКІЯ ЖЕНЩИНЫ.

СУЖЕНАЯ.

Три года игралъ молодецъ съ дѣвицей, три осени. Много было поговорено тайныхъ словъ. Вотъ какъ Марья любила Ивана!

Кто у насъ теперь такъ любить!

Пришло время вѣнцы надѣвать. И выдали Марью за другого, за Ивана не дали.

Живо старики справили дѣло. Попался зять совѣтный, богатый, имъ и ладно. А ей не мѣдъ житье, почернѣла Марья, чернѣе осенней ночи, и лишь глаза горять, какъ свѣчи. Надсадилась—холодомъ заморозилось сердце, не весела, не радостна пѣла она вечерами заунывныя пѣсни. Тяжко было до смерти. Да стерпѣла и покорилась.

Три года прожила Марья съ немилымъ, три осени. Стала у ней глотка болѣть. И недолго она провалялась, померла на Кузьму-Демьяна. И похоронили Марью.

Эй, зима—морозы пришли, бѣлымъ снѣгомъ покрыли могилу. И лежала Марья подъ бѣлымъ снѣгомъ, не горѣли больше глаза, плотно были закрыты вѣки.

Вотъ ночью стала Марья изъ могилы, пошла къ своему мужу.

Заградился Федоръ крестомъ, мужъ ея немилый.

— Да будь она проклятая баба! — и не пустилъ жену въ домъ.

Пошла Марья къ отцу, къ матери пошла.

— На кого ты ротъ разинула?—сказалъ отецъ.

— Куда ты, бѣшь, бѣгаешь?—сказала мать.

Испугался отецъ, испугалась мать, не пустили дочь въ избу.

Пошла Марья къ крестной матери.

— Ступай, грѣшная душа, куда знаешь, здѣсь тебѣ мѣста нѣту!—выпроводила крестная крестницу.

И осталась Марья одна—чужая на вольномъ свѣтѣ, лишь небомъ покрытая.

„Пойду-ка я къ моему старо-прежнему, — опомнилась Марья,—онъ меня приметъ!“

И пришла она подъ окно къ Ивану. Сидитъ Иванъ у окна, образъ пишетъ—Богородицу. Постучала она въ окно. Разбудилъ Иванъ работника—ночное время—вышли во дворъ съ топорами.

Работникъ, какъ увидалъ Марью, испугался, думалъ, съѣсть его—да безъ оглядки бѣжать.

А она къ Ивану:

— Возьми меня, я тебя не трону.

Обрадовался Иванъ, подошелъ къ ней, ее обнялъ.

— Постой,—она говоритъ,—ты не прижимай меня крѣпко, мои косточки налегались!

И сама глядитъ—не наглядится, любитъ—не налюбуется. Вотъ какъ Марья любила Ивана!

Кто у пастъ теперь такъ любить!

Иванъ взялъ Марью въ домъ, никому ее не показывалъ, наряжалъ, кормилъ ее и поилъ. И жили такъ до Рождества вмѣстѣ.

На Рождество пошли они въ церковь. Въ церкви все смотрятъ на Марью, отецъ и мать и мужъ Федоръ и крестная.

— Это будто моя дочка!—говоритъ мать.

— Да таки наша!—говоритъ отецъ.

Переговаривались между собою отецъ и мать и мужъ и крестная.

А какъ обѣдня кончилась, подошла Марья къ матери:

— Я ваша и есть,—сказала Марья,—помните, ночью къ вамъ приходила, вы меня не пустили, и пошла я къ старо-прежнему моему, онъ меня и взялъ.

И признали всё Марью и присудили ей: за старого мужа, за Федора не дали назадъ, а дали ее Ивану.

Эй весна,—снѣга растаяли, пошли зеленые всходы, и на Красную горку повѣнчали Ивана да Марью.

Тутъ моя сказка, тутъ моя повѣсть.

ЖЕЛАННАЯ.

Не хотѣла бабка, чтобы внукъ женился: жалко старухѣ разставаться съ любимымъ внукомъ. А онъ себѣ, знай, стоитъ на своемъ. И вотъ какъ вести къ вѣнцу, стала карга на вѣнчальномъ порогѣ и прокляла внука.

— Чтобъ тебя,—говорить,—чортъ взялъ, триста чертей, тридцать и три, проклятое!

И когда шли отъ вѣнца молодые, чортъ внука и схватилъ, только и видѣли.

Осталась молодуха одна безъ молодого, плачетъ. Тошно ей одной, тошно на свѣтѣ жить: постыль ей бѣлый свѣтъ безъ милаго.

„Либо петлю на шею, либо мужа верни!“—одно у ней на умѣ, и посылаетъ она свекра мужа искать.

Жалко старику сына. Говорить старикъ своей хозяйкѣ:

— Спеки мнѣ лепешекъ на дорогу, пойду за сыномъ.

Испекла хозяйка лепешекъ, снарядила своего старика въ дорогу, пошелъ старикъ въ лѣсъ. И въ лѣсу тамъ шелъ, шелъ, набрелъ на избушку—въ лѣсу тамъ, вошелъ въ избушку, положилъ лепешки на столъ, самъ за печку.

И слышитъ старикъ: идетъ... въ скрипку выскрипливаетъ, въ балалайку выигрываетъ, идетъ... приходитъ въ избушку, садится на лавку...

— Жаль,—говорить,—мнѣ-ка батюшки, жаль мнѣ-ка матушки,—а самъ все въ скрипку выскрипливаетъ, въ балалайку выигрываетъ,—жаль мнѣ молодой жены...

Хоть бы не жилъ я, разстался.

Хотя бы жилъ да потерялся!

Отецъ обрадовался, узналъ сына, выходить изъ-за печки.
— Ой,—говорить,—сынъ ты мой любезный, пойдемъ до-
мой со мною.

— Нѣтъ, отецъ, нельзя никакъ!—сынъ пошелъ изъ избы.
Отецъ вслѣдъ:

— Я отъ тебя не отстану, куда ты, туда и я.

И приходятъ они къ ямѣ,—тамъ въ лѣсу. Сынъ съ отцомъ
прощается. Поклонился сынъ отцу до земли, да бухъ въ
яму. Постоялъ старикъ, постоялъ, не смѣетъ лѣзть за сы-
номъ въ яму, и пошелъ, слезно заплакавъ, домой пошелъ.

У околицы встрѣчаетъ старика молодуха, горитъ вся:

— Ну что, видѣлъ?

— Видѣть-то, видѣлъ,—говорить старикъ,—да взять его
никакъ невозможно,—и рассказать все, какъ было.

Какъ полотно, побѣлѣла молодуха.

— Я,—говорить,—завтра... я сама пойду. Куда онъ, туда
и я. Я отъ него не отстану.

— Нѣтъ, невѣстка, отстанешь.

А она:

— Нѣтъ, не отстану.

А старуха бабка, слушавши, скалитъ свой зубъ черный—
смѣется, вѣдьма: молъ, отстанешь!

Напекла молодуха лепешекъ, дождалась, какъ свѣтать
станетъ, и чуть поднялось солнце, пошла въ лѣсъ, и вы-
шла на дорогу, какъ наказалъ старикъ, и тамъ набрела на
ту избушку—тамъ въ лѣсу. Вошла въ избушку, положила
лепешки на столъ, а сама за печку.

И слышитъ молодуха: идетъ... въ скрипку выкрипли-
вается, въ балалайку выигрываетъ, идетъ... приходитъ въ
избушку, садится на лавку...

— Жаль,—говорить,—миѣ-ка батюшки, жаль миѣ-ка ма-
тушки,—а самъ въ скрипку выкрипливается, въ балалайку
выигрываетъ,—жаль миѣ молодой жены...

Хоть бы не жилъ я, разстался.

Хоть бы жилъ да потерялся!

Тутъ и вышла она изъ-за печки, кинулась къ мужу.

— Ну,—говорить,—мужъ мой возлюбленный, куда ты,
туда и я. Я отъ тебя не отстану.

— Отстанешь,—говорить онъ ей,---бѣдная ты!

А она:

— Нѣтъ, не отстану.

И вышли они вмѣстѣ изъ избы въ лѣсъ и приходятъ къ той самой ямѣ, и сталъ онъ слезно прощаться:

— Прощай,—говорить,—Любава моя, тебѣ меня не видать больше.

А она:

— Куда ты, туда и я.

— Нѣтъ ужъ, ты за мной не ходи, сдѣлай милость.

— Нѣтъ, я пойду, ни за что не отстану.

Онъ бухъ въ яму и скрылся. А она постояла, постояла, да за нимъ вслѣдъ, туда же—въ яму.

— Все равно,—говорить,—гдѣ онъ, тамъ и я: одна жизнь!

И какъ упала она вслѣдъ за нимъ въ яму, смотритъ: дорога тамъ, домъ, и онъ ужъ подходитъ къ дому.

Догнала она его, ухватилась:

— Я съ тобой!

— Ой,—говорить онъ,—погибли мы теперь оба, ты и я: свадьбу вѣдь играютъ, дочку за меня выдаютъ.

И они вмѣстѣ вошли въ домъ. А тамъ сидитъ старикъ. страсть и глядѣтъ такой страшный старикъ, а съ нимъ всѣ триста и тридцать и три—черти, свадьбу играютъ.

— Это кого-жъ ты привелъ?—сказалъ старикъ, главный.

— Это жена моя, Любава.

Она старику въ ноги. Старикъ ее бить: и ломалъ, и лягалъ, и щипалъ, и всякъ ее ломалъ, да какъ наступить ножицей,—закричала она по худому, на глотку сталъ.

— Несите ее,—старикъ задохнулся отъ злости,—его да ее, стащите обоихъ изъ дому вонъ, откуда ихъ взяли, чтобы и духу не пахло!

Ну и потащили. И притащили ихъ ночьюъ къ дому, хрюснули о крыльцо, инда хоромы затрещали.

Такъ вернула Любава себѣ мужа, Петра, желанная, милаго.

И стали они жить и быть и добра наживать, отъ лиха избывать.

ОБРЕЧЕННАЯ.

Былъ одинъ человѣкъ торговый—купецъ богатый. Помнилъ онъ Бога, Богу молился, чтобы далъ Богъ всего хорошаго.

Ѣхалъ купецъ на ярмарку, задержался въ городѣ и только къ ночи на мѣсто поспѣлъ. Остановился купецъ на постояломъ дворѣ. А поздній былъ часъ, и чаю не выпилъ, помолился, легъ спать.

И вотъ слышитъ, будто подъ окномъ стучить кто-то, а онъ будто сталъ и къ окну:

„Что надо?“

„Въ сей часъ,—отвѣчаетъ ему со двора кто-то,—дитѣ родилось въ домѣ, и скажу тебѣ, что этому младенцу будетъ“.

„Что же ему будетъ?“

И отвѣчаетъ со двора ему тотъ же голосъ:

„До семнадцати лѣтъ вырастетъ этотъ младенецъ, а въ семнадцатый ангельскій день въ колодезь убьется на улицѣ“.

И больше ни слова. Спитъ купецъ, больше ничего не слышитъ.

На утро проснулся купецъ, вспомнился сонъ ему, и заходитъ онъ къ хозяину. А хозяйка въ ту ночь дитѣ родила—дѣвицу. Жалко стало купцу дѣвченку, и задумалъ онъ снасти ее, сохранить отъ бѣды неминуемой, обреченную, и говорить отцу:

— Я всю ярмарку тутъ проторгую, возьмите-ка кумомъ меня.

Хозяинъ видитъ, купецъ богатый и человекъ очень хорошій, согласился, взялъ его кумомъ. Богатя справили крестины. Не пожалѣлъ купецъ денегъ, всѣхъ наградилъ щедро—и куму и крестницу. Всѣмъ купецъ по душѣ пришелся.

Кончилась ярмарка, пришло время домой ѣхать, прощается крестный.

— Ежели, — говоритъ, — будетъ жить моя крестница, оставляю ей обновъ всякихъ и содержанія, а какъ семнадцать лѣтъ ей исполнится, на ангельскій семнадцатый день я самъ у васъ буду, ежели самъ живъ буду.

Растетъ крестница. Шестнадцать годовъ проходить. Выросла крестница и такая—хороша, была бы лучше, да некуда. Шестнадцать годовъ прошло и ни разу не побывалъ крестный у крестницы. Ждутъ крестнаго: два дня осталось до ангельскаго дня, ждутъ купца, глядятъ на дорогу: не ѣдетъ ли?

Помнилъ Бога купецъ, Богу молился, чтобы далъ Богъ всего хорошаго. Не забылъ онъ сна своего, не забылъ обѣщанія. Онъ снасетъ свою крестницу, сохранить ее отъ бѣды неминучей, обреченную: онъ одинъ знаетъ судьбу ея, одинъ можетъ повернуть судьбу.

Ѣдетъ купецъ. Встрѣчаетъ его крестница.

— Здравствуй, крестный!—и глядитъ на него—и такъ хороша, была бы лучше, да некуда.

Купецъ ей гостинцу—платье привезъ, что всѣмъ людямъ на диво.

Начались именинные сборы. Говорить 'крестный кумъ:

— Возьмите изъ колодца воды по надобью, чтобы на двое сутокъ воды хватило.

Взяла кума воды въ кадки, наполнила на двое сутокъ. Велѣлъ купецъ обить колодецъ кожей. Самъ и кожу купилъ, самъ и работу провѣрилъ, все-ли сдѣлано такъ: мягко и гладко.

Наступили именины крестницы, семнадцатый ангельскій день.

„Въ семнадцатый ангельскій день убьется въ колодець на улицѣ!“—держитъ купецъ въ памяти, никуда не отходить отъ крестницы, зорко слѣдитъ.

Весело было въ домѣ,—веселый пиръ задалъ купецъ,—пили, веселились гости. А крестница ничего не ѣстъ.

— Ничего не хочу, не надо мнѣ ничего!—все отказывается, вдругъ скучная стала.

И какъ ни потчевалъ крестный, ничѣмъ не развлекъ. Ей въ душу ничего не идетъ и не сидится на мѣстѣ: все на волю, все погулять просится. И обѣдъ не кончился, встала она изъ-за стола, да на улицу. И крестный за ней.

Идетъ она, словно ведетъ ее кто, скоро, легко идетъ, и прямо къ колодцу.

Догналъ ее крестный, взялъ за руку, крѣпко взялъ за руку.

„Въ семнадцатый ангельскій день убьется въ колодець на улицѣ!“—не заглушить ему вѣщихъ словъ, держитъ въ умѣ.

А она вырвалась изъ рукъ и упала,—на эту мягкую гладкую кожу упала... у колодца.

Схватился крестный, зоветъ крестницу:

— Маша! Машенька!

А Маша ужъ мертвая.

И отнесли ее въ домъ и похоронили—слезно плакали. Да слезами не поможень! Ужъ такъ ей было на роду написано.

ЖАЛОСТНАЯ.

Жиль-быль старикъ со старухой и внучать двое: внукъ да внучка. Невѣстка въ городъ въ услуженіе пошла и пропала, а сына бревномъ задавило—такая напасть Божья: не разбойникъ, не воръ, поди-жь ты!

Избенка ветхая, темная, старикъ-то мѣшкомъ свѣтъ въ избу носилъ, ну, мѣшкомъ много-ль принесешь свѣта? Корова тоже была, втащутъ корову на баню—на банѣ трава росла—тутъ коровѣ и кормъ. Косы, чтобы траву выкосить, у стариковъ не было: какой-то шальной стащилъ косу. Такъ и жили.

Разъ послали старики внучку Нюшку на берегъ мочалу полоскать — вѣникъ. Ждать-подождать, не возвращается Нюшка, бабушка и стоскнулась, пошла искать дѣвченку. Приходитъ старуха на сходни, а Нюшка сидитъ, плачетъ.

— Что ты, дитятко, плачешь?

А дѣвченка пальцемъ на деревню кажетъ—за озеромъ деревня была, да какъ взвоетъ.

— Выйду,—говорить,—я въ эту деревеньку замужъ, рожу паренька. Будетъ паренекъ на двѣнадцатомъ годку, пойдетъ по молоденькому льду да и потонетъ.

Тутъ и бабушка начала плакать.

Хватился внученокъ бабушки да сестренки,—нѣтъ нигдѣ, ужъ и туда побѣжалъ и сюда сбѣгалъ, обѣжалъ дворъ,—нѣтъ нигдѣ. На сходни къ озеру сиганулъ мальченка, смотреть, а бабушка съ Нюшкой и сидятъ, обѣ плачутъ—разливаются; сестренка-то совсѣмъ захлебнулась.

— Сестрица твоя что задумала!—сквозь слезы говорить бабушка,—выйдетъ она замужъ въ ту вонъ деревеньку, родитъ паренька, и какъ будетъ паренёкъ на двѣнадцатомъ годку, пойдетъ по молоденькому льду да и потонетъ.

Внученокъ слушалъ, слушалъ да какъ зареветь.

Стоскнулся дѣдъ по внученкѣ, покликать Петьку,—нѣту.

„Э!—смекнулъ старикъ,—на озеро, знать, куроѣдъ побѣжалъ купаться!“—и пошелъ себѣ тихонько на озеро искать внученка Петьку.

А они всѣ трое тутъ-какъ-тутъ на сходящихъ, сидятъ рядкомъ,—бабушка, внучка и внученокъ, вопять.

— Что это вы, родимые, плачете?

А внучка ужъ закатилась, Нюшка, кулачки сжала.

— Ой ты, старикъ,—прошамкала старуха,—внучка-то у насъ, Нюшка, что задумала: выйдетъ она замужъ въ ту вонъ деревеньку, родитъ паренька, и какъ будетъ паренёкъ на двѣнадцатомъ годку, пойдетъ по молоденькому льду и потонетъ.

Дѣдъ крѣпился, крѣпился, не выдержалъ да въ слѣзы.

И плачутъ, сидятъ у озера, плачутъ—старикъ со старухой да внучатъ двое: внукъ и внучка.

И никто не утѣшить, ни стараго, ни малаго. Невѣстка-то въ городъ въ услуженіе пошла и пропала, а сына бревномъ задавило,—такая напасть Божья: не разбойникъ не воръ, поди-жъ ты!

Эхъ, грѣхи наши тяжкіе!

ПОТЕРЯННАЯ.

1.

У одного купца росла дочь Домна. Строго ее держалъ отецъ: ни на улицу выйти, ни на гулянье куда, за порогъ безъ себя не пустить. Въ верхахъ сидѣла Домна. И кушанье ей туда подавали, готовое все. Такъ въ верхахъ и сидѣла Домна, только что изъ окна и глядитъ на свѣтъ Божій.

Богатый купецъ былъ, отецъ Домны: свой кабакъ, сорокъ цѣловальниковъ при кабацѣ держалъ. У купцова дома всегда народъ. А въ праздникъ соберутся парни, игру затѣютъ, веселятся.

Какъ-то играли парни, кто въ рюхи, кто мячикомъ.

Мячикъ въ окно въ верхи и заскочи къ Домнѣ. Домна окно закрыла. И какъ ни просили ее, не отдаетъ мячика.

Ну, а тутъ какой-то и выскочилъ—рукавицы съ когтями, сапоги съ когтями, да по стѣнѣ къ ней къ окну въ верхи и забрался. Домна окошко отворила и отдала ему мячикъ.

И съ той поры сталъ смѣльчакъ гостить къ купцовой дочкѣ.

2.

Сидитъ разъ дружокъ у Домны въ верхахъ, а отецъ и идетъ. Что ей дѣлать? Куда схоронить дружка? Взяла она да въ постель его къ подушкамъ и завернула.

Пришелъ отецъ, сѣлъ на кровать: то' да се, дочку разспрашиваетъ.

Строгій былъ старикъ, строго держалъ дочь, а безъ Домны дѣла не начнетъ, все только съ ней и совѣту. Любилъ старикъ дочь: одна она у него была.

За разговорами старикъ и задремалъ, протянулся поудобнѣе, да и заснулъ на кровати. А тотъ, дружокъ-то, лежалъ-лежалъ подъ старикомъ и кончился: безъ воздуху трудно, задохнулся.

Что ей дѣлать? Отцу-то не смѣетъ сказать: не спустить старикъ—строгій былъ, строго держалъ дочь. Домна къ дворнику:

— Выручи, — говоритъ, — Максимъ, уברי. Убьетъ батюшка.

А дворникъ, — былъ такой дворникъ у купца шантрапъ изъ городу, въ городѣ бурлачилъ, а вернулся въ деревню, въ дворники къ купцу поступилъ, — ему это плевое дѣло, онъ этого парня во дворъ спустилъ и убралъ куда-то.

И сталъ шантрапъ съ поры на пору къ купцовой дочкѣ похаживать, какъ дружокъ покойный.

3.

Осень пришла, ночи темныя.

Собрались купцовы цѣловальники, всѣ сорокъ цѣловальниковъ въ кабакъ при праздникѣ, и съ ними дворникъ: безъ него дѣло не обходится. Выпили пріатели, затавокали: кто про что, — извѣстно, хвастаютъ, вино-то куда хвастливо!

Дворникъ и говоритъ:

— Вы, — говоритъ, — что! Я вотъ, я, — говоритъ, — къ купцовой дочкѣ хожу!

— Что ты врешь, — галдятъ, — быть не можетъ! — крикаютъ.

— И очень просто, хожу! — ломается шантрапъ.

— А если ходишь, такъ приведи.

— Что-жъ, и приведу! — пуще ломается шантрапъ, да изъ кабака къ купцу въ домъ въ верхи.

Поздній былъ часъ, спать улеглись по домамъ.

Разбудилъ дворникъ Домну. А ей, хоть плачь, итти надо.

И привелъ шантрапъ купцову дочку въ кабакъ, вывелъ на середку къ цѣловальникамъ, самъ куражится.

— Угощай,—говорить,—гостей, кланяйся!

Взяла Домна поднось, двѣ рюмки на поднось, бутылку вина, пошла обходить гостей, потчивать.

Пьютъ гости, подмигиваютъ: рожи красныя, пьяныя. Разъ что Домна за шантрапа пошла, имъ ли не взять ее!—всякъ о себѣ свое одно думаетъ, глазомъ примѣриваетъ. Пьютъ гости, подмигиваютъ.

А она глазъ не подыметъ, ходитъ съ подносомъ, кланяется.

И напились цѣловальники, свалились съ лавки подъ столъ, и дворникъ захрапѣлъ подъ столомъ. Всѣ заснули, всѣ сорокъ цѣловальниковъ.

Одна Домна, одна въ кабакѣ съ подносомъ стоитъ.

„До утра дожждаться, всѣ узнаютъ, донесутъ батюшкѣ!“—думаетъ себѣ Домна, а сердце такъ и ходитъ, такъ и рвется.

И взяла Домна отворила бочку съ виномъ, пропустила вино да и зажгла все вино, а сама домой, въ верхи, въ свою комнату.

По утру встаетъ старикъ, а къ нему посланный:

— Кабакъ сгорѣлъ, сорокъ цѣловальниковъ сгорѣло въ кабакѣ и дворникъ твой сгорѣлъ.

Старикъ къ Домнѣ: въ горѣ ли, въ радости—все къ ней, съ ней одной совѣтъ. Строгій былъ старикъ, строго держалъ дочь, а любилъ ее: одна она у него была.

— Что,—говорить,—дитятко, спишь, бѣда у насъ.

А на ней лица нѣтъ.

— Такъ мнѣ, батюшка, тяжело мнѣ было, такъ... не спала я, спать не могла...

— Кабакъ сгорѣлъ, сорокъ цѣловальниковъ сгорѣло въ кабакѣ...—говоритъ отецъ, самъ смотритъ на дочь и вдругъ понялъ старикъ,—всѣ, всѣ сгорѣли и дворникъ твой!

РОБКАЯ.

Жила-была одна дѣвица, умеръ у ней отецъ, умерла и мать. Осталась одна Федосья, да безъ отца, безъ матери и спозналась съ работникомъ отцовскимъ.

Хорошій былъ работникъ-бурлакъ, крѣпко полюбилъ Федосью, и Федосья къ нему привязалась, и жить бы имъ да жить, да люди-то говорить стали,—не хорошо.

Федосья и оробѣла.

Пошла Федосья къ дядѣ, просить дядю и тетку.

— Возьмите,—говорить,—меня, примите къ себѣ.

А дядя и тетка говорятъ:

— Покинь свою дружбу, такъ мы тебя возьмемъ.

На все готова Федосья: оробѣла дѣвка.

— Покину,—говорить,—покину, возьмите только.

И приняли старики племянницу и стала Федосья жить въ дядиномъ домѣ: какъ дочь стала жить, а дружбы своей не покинула.

Пойдетъ на вечеринку, тамъ украдкой и свидится съ нимъ, гдѣ-нибудь въ сторонкѣ, украдкой, поговорить съ нимъ,—поговорять, потужать.

И опять въ люди вышло: узналъ дядя, узнала и тетка, стали старики поругивать Федосью.

А тутъ этотъ работникъ-бурлакъ вдругъ и померъ.

— Слава Богу,—успокоился дядя, успокоилась тетка,—больше съ нимъ знаться не будешь!—и стали старики подумывать, какъ бы племянницу замужъ выдать, стали старики присматривать ей челоуѣка.

А Федосья прежде-то, какъ живъ онъ былъ, работницей-то, все таилась, робкая, скрывала отъ людей, а ужъ тутъ,—куда робь!—ничего не таить, никого не боится, и все по немъ тоскуетъ, все въ умѣ его держать.

Пойдетъ на вечеринку, ни пѣть не поетъ, ни въ игры не играетъ, а какъ сядетъ, одна сидитъ молча, и ужъ сама себѣ на могилу итти ладить,—къ нему на могилу. А вернется съ кладбища, спать ляжетъ, а въ умѣ все одно,—о немъ тоскуетъ.

И сталъ онъ приходить къ ней ночью.

Никто его не видитъ, ни дядя, ни тетка, одна она видитъ.

— Я умеръ,—сказалъ онъ ей,—да не въ заболѣ, иди за меня замужъ.

И съ той поры повеселѣла Федосья, веселая, не узнаешь ее, подвѣнечное платьѣ себѣ шить принялась.

И на вечеринкахъ не узнать ее.

Тоже и на вечеринки сталъ онъ приходить къ ней.

Люди его не видятъ, одна она его видитъ.

— Я за него замужъ пойду!—говоритъ Федосья подругамъ, смѣется.

— Что ты,—говорятъ,—его, вѣдь, въ живыхъ нѣту.

— Нѣту, какъ-же! Онъ ожилъ!—смѣется Федосья.

Сшила себѣ Федосья подвѣнечное платьѣ, въ подвѣнчномъ платьѣ невѣстой пришла на вечеринку. И онъ къ ней пришелъ на вечеринку.

Никто его не видитъ, одна она его видитъ.

И они сговорились: она съ вечеринки пойдетъ къ нему въ избу, гдѣ у отца онъ жилъ, а изъ избы вмѣстѣ пойдутъ въ церковь вѣнчаться.

— Я нынче замужъ пойду!—сказала подругамъ Федосья, смѣется, и простилась, ушла домой.

Не слыхалъ ни дядя, ни тетка, какъ вернулась племянница въ домъ, крѣпко старики спали. А по утру хва-тились, племянницы-то и нѣтъ. Гдѣ, гдѣ?—не знаютъ.

Не знаютъ, гдѣ и взять, и платья ея подвѣнчнаго нѣтъ.

А дѣвки говорятъ:

— Сказывала, замужъ пойдетъ.

Старики на кладбище, къ могилѣ.

„Сказывала, замужъ пойдетъ!“

А она на могилѣ, мертвая на его могилѣ лежитъ и платье ея подвѣчное на крестѣ развѣщено.

Такъ за покойнымъ дружкой и ушла, не сробѣла.

ОКЛЕВЕТАННАЯ.

1.

Жилъ-былъ одинъ человѣкъ богатый и было у него двое дѣтей: сынъ да дочь. Пришло время отцу помирать, старикъ и наказываетъ сыну:

— Ни отъ Бога, ни отъ меня нѣтъ тебѣ благословенія, Михайла, взять жену изъ своей деревни, изъ своей не бери!

И померъ. И остался Михайла съ сестрою. Только съ Палагеей что и разговоръ у Михайлы, и въ гости никуда не ходитъ, все дома, все съ сестрою.

Совѣтно жилъ братъ съ сестрою.

Въ лавочку Михайла пойдетъ.

— Прощай!—скажетъ,—сестрица!

Изъ лавочки придетъ.

— Здорова, сестрица!

Такъ три года жилъ Михайла не женатый, завѣтъ отца помнилъ, никуда глазъ не казалъ, все дома, все съ сестрою.

Совѣтно жилъ братъ съ сестрою.

Разъ приходитъ изъ лавочки Михайла, говоритъ сестрѣ:

— Сестрица, буду я жениться, возьму жену изъ нашей деревни.

— Ахъ, братецъ, братецъ, тебѣ батюшка не велѣлъ!

— Ну, сестрица, ну, родимая, будь что хочешь, а жениться надо.

— Ну, какъ хочешь,—говоритъ Палагея,—играй свадьбу.

Михайла и женился.

На Варварѣ женился Михайла, наказъ отца нарушилъ, взялъ жену изъ своей деревни. И женатый, а безъ сестры не начнетъ Михайла никакого дѣла, все съ сестрою.

Совѣтно жилъ братъ съ сестрою.

Въ лавочку Михайла пойдетъ.

— Прощай,—скажетъ,—сестрица!

Изъ лавочки придетъ.

— Здорова, сестрица!

А женѣ зѣрно, Варварѣ завидно, ровно и не сестра ему Палагея.

Родила Варвара сына. Не отходитъ Палагея отъ Михайлова сына, все съ его ребенкомъ, ровно и мальчишка ея, не Варваринъ. А Михайлѣ любо, все онъ съ сестрою.

Совѣтно жилъ братъ съ сестрою.

Въ лавочку Михайла пойдетъ.

— Прощай,—скажетъ,—сестрица!

Изъ лавочки придетъ.

— Здорова, сестрица!

Не по сердцу это Варварѣ, стала ей постыла Палагея. Сестра да сестра! Только и есть на языкѣ, что сестра! Да сестра она ему или жена? Такъ и смотритъ Варвара, такъ все и смотритъ, ровно ищетъ, подстерегаетъ брата съ сестрою. И ужъ не улыбнется, постарѣла Варвара. Ни слова тихаго, слова всѣ въ сердцахъ. Зѣрно, завидно, постыло Варварѣ. Что же ей сдѣлать, какъ брата отъ сестры отвадить? Какъ извести Палагею?

Взяла Варвара собаку его и убила,—вѣрный былъ песъ, дорожилъ имъ Михайла.

Пришелъ Михайла домой.

— Здорова, сестрица!

А жена на него:

— Да, здорова сестрица, поглядика-съ, что сестрица-то сдѣлала: гдѣ твой песъ? Нѣту собаки. Сестрица убила!

Досадно стало Михайлѣ—вѣрный былъ песъ!—да, любя, стерпѣлъ Михайла досаду.

— Ну, въ первой винѣ Богъ простить!—сказалъ Михайла, и ни словомъ не попрекнулъ сестру.

На другой день только что-вышелъ Михайла, взяла Варвара и убила его жеребца,—хорошій былъ конь, вѣрный, дорожилъ имъ Михайла.

Пришелъ Михайла домой.

— Здорова, сестрица!

А жена на него:

— Да, здорова сестрица, поглядика-сь, что сестрица-то сдѣлала: гдѣ твой жеребецъ? Нѣту коня. Сестрица убила!

Горько стало Михайлѣ—хорошій былъ конь, вѣрный!—да, любя, стерпѣлъ Михайла горечь.

— Ну, и въ другой винѣ Богъ простить!—сказалъ Михайла и ни словомъ не попрекнулъ сестру.

А сестра ничего не знаетъ, возится съ ребенкомъ, знаетъ Палагея, что бѣда въ домѣ: собаку кто-то убилъ, коня кто-то убилъ...

На третій день, какъ ушелъ со двора Михайла, Варвара къ зыбкѣ—и убила ребенка, да мертвого за дверь его, за дверь и положила.

Пришелъ Михайла домой.

— Здорова, сестрица!

А жена на него:

— Здорова! А гдѣ нашъ ребенокъ?

Михайла къ зыбкѣ:

— Гдѣ ребенокъ?

— Должно, у вашей сестрицы.

Недоброе почуялъ Михайла, да къ сестрѣ.

Сидитъ Палагея у окна, шьетъ, для мальчишки рубашенку шьетъ.

— Здравствуй, братецъ!

— Гдѣ сынъ-то?

Недоброе почуяла Палагея.

— У Варвары, —сказала Палагея,—давно взяла Варвара, тутъ его нѣтъ.

Михайла къ женѣ.

— Гдѣ ребенокъ?

А зыбка пустая, нѣтъ нигдѣ ребенка.

Сталъ Михайла искать. И Варвара ищетъ, рветъ все, все мечетъ на землю,—тоже ищетъ.

А ребенокъ за дверью—лежить мертвый.

— Вотъ!.. вотъ твоя сестрица что сдѣлала!

Михайла къ сестрѣ. Не смотритъ. И смотритъ, да ничего не видитъ.

— Убила ты собаку, убила ты коня, ты моего ребенка убила!—и раздѣль Михайла сестру до нага, скрутилъ, бросилъ на телѣгу, повезъ въ поле, а изъ поля въ лѣсъ и тамъ, въ лѣсу, пустилъ ее одну: иди, куда знаешь!

Иди, куда знаешь!

А куда? Куда ей идти? Влѣзла на сосну Палагея, сѣла на верхушку, сидитъ, какъ птица. Сердце у нея тяжелое, какъ камень тяжелый,—обида, напраслина, клевета камнемъ легла ей на сердце.

Ходили царскіе сыновья по лѣсу, охотились. Набтели царскіе сыновья на сосну, Палагею замѣтили.

Одинъ говоритъ:

— Птица!

Другой:

— Человѣкъ!

Третій:

— Чортъ!—и направилъ ружье выстрѣлить.

— Я не трону, я человѣкъ, я васъ не трону!—кричитъ съ дерева Палагея: видитъ, ружья направили, стрѣляютъ хотятъ.

— Коли человѣкъ, такъ спускайся!—говорятъ ей братья.

А какъ ей спуститься?

— Одежды у меня нѣтъ!—кричитъ Палагея.

Братья поскидали съ себя верхнее платье, положили подъ сосну, а сами въ сторонку. Палагея и спустилась на землю, одѣлась. Тутъ братья къ ней вышли и взяли ее съ собой къ царю во дворецъ. И тамъ, во дворцѣ, схоронили, никому не показываютъ.

Старшій сынъ приходитъ къ отцу.

— Батюшка,—говоритъ,—я жениться буду.

— Что ты,—говоритъ царь,—до сихъ поръ у тебя и въ умѣ не было жениться, жениться вздумалъ! А гдѣ же,—говоритъ,—ты жену-то берешь?

— Она у меня изъ лѣсу,—говоритъ сынъ и выводитъ къ царю Палагею,—вотъ она, жена моя!

Посмотрѣлъ царь на Палагею,—полюбилась царю Палагея.
— Ну, Богъ васъ благословить!—благословилъ царь жениха и невѣсту.

Сыграли свадьбу. И стала жить Палагея у царя въ царскомъ дворцѣ, не Михайлова сестра, а царская невѣстка.

2.

Поѣхалъ царскій сынъ по городамъ отъ царя съ наказомъ. И безъ него родила ему Палагея сына. И такой вышелъ царевичъ,—всѣмъ на диво: по колѣна ноги въ золотѣ, по локотокъ руки въ серебрѣ, позади свѣтелъ мѣсяцъ, посреди красно солнце, въ каждомъ волоскѣ по скатной жемчужинкѣ.

Обрадовался царь, что внукъ такой вышелъ, и сейчасъ же письмо написалъ, посылаетъ своего царскаго работника снести письмо въ дальній городъ къ сыну.

Снарядился работникъ въ дорогу, понесъ царское письмо въ дальній городъ. И къ ночи дошелъ до той самой деревни, откуда Палагея, и остановился въ самомъ богатомъ домѣ—у Михайлы.

Дозналась Варвара, что за письмо несетъ работникъ, все старое-то, прежнее все, постылое такъ ей въ голову и ударило, и въ голову, и въ сердце, и въ душу: вѣдь она ребенка своего убила, только чтобы брата отъ сестры отвадить, разлучить Михайлу съ Палагеей, извести Палагею, а вотъ Палагея и не сгинула, Палагея вотъ какая—царица!

Вытопила Варвара баню, царскаго работника въ баню отправила, а сама вынула изъ котомки царское письмо, разорвала письмо и написала другое, будто не царевича сына, а щенка родила Палагея:

„Кутенка твоя жена родила, Палагея!“

И опять письмо положила въ котомку.

Вернулся изъ бани царскій работникъ, угостила его Варвара, ночевать оставила. Переночевалъ работникъ у Михайлы и на утро дальше въ дорогу пустился.

Долго ли, коротко ли, изъ города въ городъ, изъ деревни въ деревню дошелъ, наконецъ, работникъ до самага даль-

няго города къ царскому сыну, передалъ царскому сыну отъ царя письмо:

„Кутенка твоя жена родила, Палагея!“

Потемнѣло въ глазахъ у царскаго сына—злая вѣсть потемнила глаза, хотѣлъ въ горячахъ порѣшить съ Палагеей, да раздумался, и написалъ отцу, чтобы до его возвращенія жену не трогать. И съ письмомъ отпустилъ домой царскаго работника.

А работникъ и на обратномъ пути къ Михайлѣ зашелъ.

И опять затопила Варвара баню, послала работника въ баню, а сама за котомку, вынула изъ котомки письмо царскаго сына, разорвала письмо, и свое написала:

„Духу чтобы ея не было до моего прихода!“

И положила письмо въ котомку.

Вернулся изъ бани царскій работникъ, угостился, переночевалъ ночь, да къ царю во дворецъ.

Прочиталъ царь письмо, не вѣритъ глазамъ.

— Что это,—говорить,—съ ума, вѣрно, спятилъ!

Да нечего дѣлать, тутъ ужъ не его воля—воля сына: велѣлъ царь прогнать изъ дворца Палагею откуда взяли, туда и отправить. А внука царевича царь себѣ оставилъ.

И отвезли Палагею въ лѣсъ къ той самой соснѣ, гдѣ покинулъ ее братъ любимый Михайла: иди, куда знаешь!

Иди, куда знаешь!

А куда? Куда ей идти? Съ братомъ ее разлучили, съ мужемъ ее разлучили, и отняли сына. Что же ей дѣлать? Куда ей дѣваться? Какъ избыть обиду? Стоитъ подъ сосной Палагея, стоитъ, какъ стала. А сердце у ней тяжелое, какъ камень тяжелый,—обида, напраслина, клевета камнемъ легла ей на сердце.

А пойдетъ она далеко въ дальнія деревни, будетъ она жить тамъ у чужихъ чужая, наймется въ люди. Работницей простой свой вѣкъ проживетъ. Трудомъ она избудетъ обиду.

И пошла Палагея куда глаза глядятъ дальше отъ брата, еще дальше отъ мужа и сына.

Долго ли, коротко ли, изъ города въ городъ, изъ деревни въ деревню, объѣхалъ царскій сынъ все царство, всѣ дѣла царскія исполнилъ и вернулся домой къ отцу.

Вышелъ царь встрѣчать сына и внука вывелъ. А ребеночекъ такъ и сіяетъ...

— Какъ такъ!—удивился царскій сынъ,—мнѣ было письмо отъ васъ, что жена родила кутенка.

А царь ему выговариваетъ: зачѣмъ велѣлъ жену кончить—прогнать Палагею.

— Я... я велѣлъ кончить!—и заплакалъ, видитъ царскій сынъ, что обмануть: и его, и царя обманули.

Послалъ царь въ лѣсъ искать Палагею. Да гдѣ-жъ ее сыщешь, — не на соснѣ же ей свой горькій вѣкъ вѣковать.

3.

Три года прослужила Палагея въ работницахъ, много за три-то года по чужимъ людямъ ходила, много труда вынесла. И улеглась на сердцѣ обида: приняла она свою участь, и не роптала больше. Одно забыть не могла: сына своего вспоминала. Ребеночка жалко ей было, поглядѣть бы ей на него, хоть только глазкомъ взглянуть.

И затосковала Палагея, мѣста отъ тоски не находитъ. тоскливо ей, глаза ни на что не глядятъ: только бы увидѣть сына, хоть только глазкомъ взглянуть.

Нарядилась Палагея въ мужскую одежду и пошла изъ дальнихъ деревень мимо любимаго брата прямо къ царю во дворецъ въ царскіе работники наниматься.

Во дворцѣ никто не узналъ Палагею. Самъ царь не узналъ свою невестку. Принялъ царь Палагею ласково, и стала служить она у царя истопникомъ въ царскихъ покоехъ: печки топила.

Палагеѣ этого только и надо.

Подросъ ея сынъ, ужъ по комнатамъ бѣгалъ. Примется Палагея печки топить, а онъ тутъ-какъ-тутъ, прибѣжитъ къ огоньку. А Палагея возьметъ его на руки, ласкаетъ дитѣ, сама плачетъ.

Замѣтилъ царь, разъ и спрашиваетъ:

— Что это ты, паренекъ, какъ возьмешь внученка на руки, и всегда-то плачешь?

Палагея царю во всемъ и открылась. И о братѣ своемъ о любимомъ о Михайлѣ рассказала, и о невѣсткѣ своей Варварѣ, какъ оклеветала ее Варвара.

— Вотъ грѣхъ те, надо это дѣло хорошенько развѣдать!

Велѣлъ царь Палагеѣ помалкивать, а самъ призвалъ къ себѣ того работника царскаго, что письмо носилъ отъ царя къ царскому сыну, и сталъ у работника выпытывать, у кого онъ въ пути на ночлегъ приставалъ и съ кѣмъ водилъ знакомство.

А какъ рассказали ему царскій работникъ о Варварѣ, тутъ у царя глаза и открылись. Отпустилъ царь работника, и задумалъ вывести дѣло на чистую воду: всенародно оправдать Палагею.

Слухъ о злой царской невѣсткѣ прошелъ по всѣмъ городамъ—и ближнимъ и дальнимъ, по всѣмъ деревнямъ и ближнимъ и дальнимъ,—по всему царству.

Собралъ царь большой пиръ. Много сошлось народа къ царю во дворецъ. Послалъ царь и за Михайломъ, и за Варварой. Пришелъ Михайла съ Варварой, тоже сѣли за царскій столъ.

А когда гости пили и ѣли, призвалъ царь своего царскаго истопника, и велѣлъ истопнику для потѣхи сказку сказывать о злой царской невѣсткѣ, да уговоръ положилъ: кто перебьетъ либо поддакнетъ, сто рублей съ того за помѣху.

И стала Палагея рассказывать, какъ жили-были братъ да сестра, какъ братъ женился и не влюбилъ невѣстка сестру.

— Стало невѣсткѣ зѣрно, что братъ и сестра живутъ совѣтно.

— Да,—дакнула Михайлова жена, Варвара.

И сейчасъ же съ Варвары сто рублей за помѣху.

И опять стала Палагея рассказывать, какъ невѣстка убила у мужа собаку и на сестру сказала. Простилъ братъ сестру. А на другой день убила невѣстка у мужа коня и на сестру сказала. Простилъ братъ сестру. А на третій день убила невѣстка своего ребенка и на сестру сказала. Не простилъ братъ сестру, раздѣлъ ее до-нага, вывелъ въ поле, а изъ поля въ лѣсъ.

— Иди, куда знаешь!

— Да, такъ и было!—поддакнула Михайлова жена, Варвара.

И сейчасъ же съ Варвары сто рублей за помѣху.

И опять стала Палагея рассказывать, какъ встрѣтили сестру охотники, какъ застрѣлить хотѣли, и потомъ какъ старшій женился на ней, и какъ уѣхалъ мужъ по дѣламъ въ дальній городъ, и безъ него родила жена ему сына. Послалъ свекоръ работника съ письмомъ къ сыну извѣстить о внукѣ, остановился работникъ по дорогѣ у той самой невѣстки, а невѣстка подмѣнила письмо, и на обратномъ пути остановился работникъ у невѣстки, и невѣстка опять подмѣнила письмо...

— Да, такъ оно и было!—поддакнула Михайлова жена, Варвара.

Встаетъ Михайла, лица нѣтъ, онъ сестру узналъ Палагею. Поднялся царскій сынъ, вспыхнулъ, узналъ жену Палагею.

Остановила Палагея брата, остановила Палагея мужа, подошла Палагея къ Варварѣ, и хотъ нѣтъ у ней добраго слова, но и обиды ужъ нѣтъ.

— Варвара!..—говоритъ Палагея.

А Варвара—все старое то, прежнее все такъ ей въ голову и ударило, и въ голову, и въ сердце, и въ душу,—сидитъ Варвара, крѣпко стиснула руки, не шевельнется.

Тутъ взяли Варвару, да на ворота, да на воротахъ и застрѣлили.

И стали жить и быть, добра наживать.

ОТЧАЯННАЯ.

1.

Хороша была Маша, краше на селѣ ея не было. Сватались къ ней женихи, да отецъ не давалъ: была она одна у него,—жалѣлъ.

Поѣхалъ отецъ въ городъ на Святкахъ, Машу одну оставилъ въ домѣ. И задумала Маша въ Крещенскій сочельникъ кудесить—о своемъ суженомъ гадать.

Въ ночь на Крещенье накрыла она столъ скатертью, на уголокъ поставила тарелку и ложку и на другой тарелку съ ложкой, положила себѣ кусочекъ и кусочекъ въ другую тарелку—чествовать суженаго. Не благословись, вышла въ сѣни, не благословясь, заперла двери, да назадъ, присѣла къ столу, подумала—вотъ сейчасъ ей судьба и скажется!—Подумала, стала.

— Суженый ряженный, суженый мой, поди ужинать со мной!

И опять присѣла на уголокъ, закрыла глаза.

Сидитъ Маша, не шелохнется, и думать не думаетъ, прислушивается—вотъ сейчасъ ей судьба и скажется!—Ждетъ. Отяжелѣли вѣки—свинцомъ налиты, а въ ушахъ, какъ звонъ—когда мать хоронили былъ такой звонъ—и ужъ вѣкъ не разомкнуть ей, и душа ея рвется въ какой-то тоскѣ, и тоска, какъ этотъ звонъ.

Застучало въ сѣняхъ—стучать сапоги. Слышитъ она, идетъ—сюда идетъ.

И вошелъ, крикнулъ, вотъ прошелъ на середку: кушакъ на немъ алый шелковый,—отвязалъ онъ кушакъ, да въ передній уголъ—повѣсилъ на спицу, шапку снялъ и туда же тянется рукой къ спицѣ.

Маша и перекрестилась.

На столѣ два прибора, двѣ тарелки, какъ стояли, не тронуты, и нѣтъ никого, только алый кушакъ на спицѣ.

Сняла Маша со спицы кушакъ, развернула, примѣрила—алый шелковый, и себѣ въ сундукъ.

2.

Послѣ Крещенья вернулся отецъ. Стали по-прежнему женихи наѣзжать въ домъ, по-прежнему сватали Машу.

А ей никакъ не забыть: кто-то на зовъ ея въ крещенскую ночь приходилъ—суженый ея приходилъ къ ней, и у кого-то въ ту ночь алый кушакъ потерялся. Помалкиваетъ Маша, не выдаетъ: знай, она, что любый онъ ей, ея суженый, она бы подругамъ сказала, отцу бы сказала, а она не знаетъ, и какъ узнать?

Задумалась Маша, ходитъ сама не своя.

„Чей это алый кушакъ? И любый онъ ей ея суженый или постылый?“

Задумалась Маша.

Ужъ не неволить отецъ: иди за любого. Уперлась, слышать не хочетъ.

Ночью заснетъ отецъ. Маша не спитъ—нѣтъ ей мѣста отъ думъ, нѣтъ покою!—прислушивается, а въ ухахъ, какъ звонъ,—когда мать хоронили, былъ такой звонъ,—и душа ея рвется въ какой-то тоскѣ, и тоска какъ этотъ звонъ.

Ночью поднялась Маша—нѣтъ ей покою!—и къ сундуку, вынула алый кушакъ, обмотала себѣ вокругъ шеи алый кушакъ, да въ передній уголъ, тамъ, гдѣ спица торчитъ—такъ и рѣшила.

Хороша была Маша, краше на селѣ ея не было.

ПОПЕРЕЧНАЯ.

1.

Былъ одинъ холостой парень и задумалъ жениться. А сватали на селѣ дѣвицу, онъ на ней и женился. И тиха и смирна, глазъ на мужа не подыметъ, будто ее и въ домѣ нѣтъ, вотъ какая попалась жена Сергѣю.

Пришло время обѣдать, зоветъ Сергѣй къ столу Настасью, а Настасья и голоса не подастъ.

„Ишь,—подумалъ,—стыдливая какая!“—и самъ ужъ вывелъ ее, усадилъ за столъ.

На обѣдъ была каша. Ъстъ Сергѣй, да похваливаетъ, а Настасья и ложки въ руку не возьметъ, сидитъ, какъ сѣла.

„Ишь,—подумалъ Сергѣй,—молода-то какъ!“—да самъ ей и ложку въ руку далъ, потчуетъ.

Ложку взять Настасья взяла, и опять на столъ положила, отвязала отъ креста уховѣртку, да уховѣрткой и ну хлебать кашу по крупинкѣ.

То же самое случилось и на другой день, не ѣстъ по-людски Настасья да и только.

„И чѣмъ эта она наѣдается,—думалъ себѣ Сергѣй,—безъ пищи человѣку невозможно; вѣдь, такъ и съ голоду помереть можетъ!“—и еще больше принялся жену уговаривать бросить уховѣртку и ѣсть сытно.

А Настасья ровно и не слышитъ, знай свое, уховѣрткой своей управляется.

„Вѣрно, ночью тайкомъ наѣдается, когда люди спятъ, эка, еще неразумная!“—и положилъ Сергѣй караулить жену ночью: быть того не можетъ, чтобы человѣкъ не ѣлъ ничего!

Легъ Сергѣй спать, легла и Настасья. Притворился Сергѣй, будто спитъ, захрапѣлъ, а самъ все примѣчаетъ.

Въ самую полночь поднялась Настасья, слѣзла тихонько съ кровати да изъ комнаты къ двери. Выждалъ Сергѣй, пока за дверь выйдетъ, да за ней слѣдомъ. А Настасья ужъ во дворъ, да за ворота, да на улицу. Сергѣй за ней слѣдомъ.

Шла Настасья, шла, повернула на кладбище, и тамъ прямо къ свѣжей могилѣ.

Сергѣй за крестъ, схоронился, ждетъ, что-то будетъ. И видитъ, еще идетъ, такъ мужикъ бородатый, прошмыгнулъ среди крестовъ и тоже къ могилѣ.

И ужъ вдвоемъ съ Настасьей принялись они за могилу.

Разрыли они могилу, гробъ вытащили, вынули изъ гроба покойника, раздѣли, и ну его ѣсть. И всего-то до чиста, до косточекъ обѣли, и, когда и самой малой жилки не осталось, гробъ, саванъ и кости снова зарыли въ могилу и разошлись: Настасья въ одну сторону, бородатый въ другую.

Тутъ Сергѣй изъ-за креста вышелъ да скорѣе домой. Задами обогналъ жену да въ домъ, да на кровать и опять притворился, будто спитъ, захрапѣлъ. Вернулась и Настасья, легла тихонько, и сладко и крѣпко заснула.

А Сергѣй—какой ужъ сонъ!—Сергѣй едва утра дождался.

Пришло время обѣдать, зоветъ Сергѣй къ столу Настасью. Сѣли за столъ. На обѣдъ была каша. Настасья опять за свою ухověртку, отвязала отъ креста ухověртку, и ну хлебать по крупинкѣ.

Сергѣй ей ложку. Взяла она ложку, повертѣла, повертѣла, положила на столъ, и ухověртку свою спрятала, такъ сидитъ. Сергѣй и не выдержалъ:

— Что-жъ ты,—говорить,—не ѣшь? Или мертвецъ тебѣ слаще?

А ужъ Настасья звѣрь звѣремъ,—и! куда все дѣвалось!—схватила Настасья со стола чашку, да въ лицо ему какъ плеснетъ.

—Ну,—говорить,—коли узналъ мою тайность, такъ будь же псомъ!

Тявкнулъ Сергѣй по-песьи, и сталъ псомъ-дворнягой.

Настасья за палку, да его палкой за дверь, и прогнала изъ дому вонъ.

2.

Выскочилъ Сергѣй псомъ-дворнягой и побѣжалъ. Бѣжить, куда глаза глядятъ, полагаетъ, полагаетъ и опять бѣжать. Къ вечеру прибѣжалъ онъ въ городъ, въ мясную лавку и вскочилъ: проголодался больно.

Попался мясникъ добрый, накормилъ пса, а песъ и не уходитъ, визжитъ, остаться просится. Сжалился мясникъ, оставилъ.

Переночевалъ песъ ночь и за ночь ничего въ лавкѣ не сдѣлалъ.

„Экій песъ-то умница!“—подумалъ мясникъ и рѣшилъ не гнать пса, при лавкѣ держать, лавку караулить.

Приходитъ на утро въ мясную булочникъ за говядиной, выбираетъ себѣ чего попригляднѣй, а песъ такъ и ластится. Приласкалъ его булочникъ, бросилъ хлѣба кусокъ, подхватилъ песъ хлѣбъ, сѣлъ да отъ мясника за булочникомъ и утекъ въ пекарню.

И сталъ песъ у булочника жить, лавку стеречь.

Приходитъ разъ въ пекарню за хлѣбомъ старуха. Накупила старуха всякихъ булокъ, отдаетъ деньги. Сталъ булочникъ считать, и попался одинъ какой-то гривеникъ негодящій, фальшивый, булочникъ и не беретъ. Старуха въ споръ: деньги правильныя.

И видитъ булочникъ, не переспорить ему старуху, и говоритъ:

—Да у меня,—говорить,—песъ и тотъ узнастъ, что твой гривеникъ негодящій!—и сейчасъ же пса покликалъ, разложилъ деньги на столъ кучкой, показываетъ псу, выбирай, молъ, негодящую.

Посмотрѣлъ песь на деньги, понюхалъ, да и выпихнулъ лапкой этотъ самый гривенникъ.

„Ну и песь,—подумала старуха,—ой, что-то тутъ не-ладно!“

— Коли песь, такъ и оставайся тутъ,—шепнула старуха,—а коли человѣкъ, за мной поди! — диковиннымъ показалось старухѣ, что песь, а узнаётъ деньги.

И убѣждалъ песь за старухой изъ пекарни.

Пришла старуха домой, да къ своей дочкѣ:

— Привела,—говорить,—я пса, да ужъ и не знаю, вѣрпо-ли. нѣтъ, что песь: узнаётъ деньги!

Посмотрѣла старухина дочка, посмотрѣла на пса, взяла воды наговорной, псу въ глаза и плеснула.

— Коли,—говорить,—ты песь, такъ и оставайся псомъ, а коли человѣкъ, обернись человѣкомъ!

Тявкнулъ песь, и сталъ опять Сергѣй Сергѣемъ.

Разказалъ Сергѣй о женѣ, о Настасьѣ, и какъ ночью на кладбищѣ Настасья покойника ѣла и съ ней бородастый. и какъ псомъ его обернула.

— Знаю Настасью,—сказала старухина дочка,—она у тебя колдунья, вмѣстѣ мы съ ней колдовству учились у одной старухи. Поперечная была Настасья, все наперекоръ. все по своему, все напротивъ, не слушалась старуху, ей старуха и положила наказанье: ходить ей ночами на кладбище питаться мертвечиной. А хочешь жену поучить, дамъ я тебѣ наговорный составъ, вернешься домой, плесни ей въ лицо, увидишь, что будетъ.

Поблагодарилъ Сергѣй старухину дочку, забралъ наговорную воду-составъ и пошелъ себѣ домой человѣкъ, человѣкомъ.

3.

Шелъ Сергѣй по дорогѣ,—тутъ по дорогѣ когда-то бѣжалъ онъ псомъ, лаялъ,—долго шелъ Сергѣй по дорогѣ, а пришелъ домой, нѣтъ дома Настасьи. Сѣлъ Сергѣй на крыльцо, сталъ поджидать. И когда Настасья вернулась, онъ ей, ни мало не медля, наговорнымъ составомъ въ лицо и плеснулъ.

Заржала Настасья и обернулась въ кобылу.

Тутъ Сергѣй запрягъ кобылу въ сани да въ лѣсъ, да въ лѣсу цѣлый возъ дровъ навалилъ, да и обратно, домой ѣхать, и всю-то дорогу до самаго дому стѣгомъ стегалъ кобылу. И не разъ, съ недѣлю такъ ѣздилъ Сергѣй въ лѣсъ за дровами и все стегалъ, всю изстегалъ кобылу.

А она,—что со скотины возьмешь!—она только смотреть, сказать ничего не можетъ,—скотина не скажетъ, только плачетъ.

И жалко стало Сергѣю, бросилъ онъ бить кобылу, пошелъ въ городъ къ той самой старухѣ просить у старухиной дочки наговорнаго составу обернуть кобылу въ человека. Старухина дочка дала наговорной воды, и вернулся Сергѣй домой не съ пустыми руками.

А она—извѣстно, скотина!—она только смотреть, сказать ничего не можетъ,—скотина не скажетъ, только плачетъ.

И облилъ Сергѣй кобылу наговорнымъ составомъ, и стала опять Настасья Настасьей. И ужъ съ той поры забыла всякую мертвечину, кроткая, все ѣла, какъ люди.

И стали они жить по хорошему, хорошо и согласно.

ЛИХАЯ.

Была у одного человѣка жена да такая, что не дай Богъ, попалъ на такую: все, бывало, ему на зло дѣлается. Ну и не можетъ извести ее, а ужъ вотъ куда стало, хотъ руки на себя накладывай.

Ходилъ, ходилъ онъ день въ лѣсу, и надумалъ средство одно.

Вечеромъ прпходитъ домой, сѣлъ, вьетъ веревку.

— Куда ты, Семень, веревку вьешь?—говоритъ жена.

— Эка ты, да я кладъ нашелъ.

— Большой кладъ?

— Большущій.

На утро отыскалъ Семень кошелку, уходитъ хочетъ.

— Возьми меня,—проситъ жена.

— Нѣтъ ужъ, куда съ тобой.

— Нѣтъ, пойду!

— Ну, ступай ужъ, пойдемъ.

Положилъ Семень веревку въ кошелку, кошелку за плечо, и пошли. И приходятъ они до той самой ямы, гдѣ кладъ. Вынулъ Семень веревку, вяжетъ кругъ себя.

— Куда ты, Семень, веревку вяжешь?

— Да за деньгами-то надо спуститься.

— Куда тебѣ, я сама полѣзу.

Семень веревку съ себя снялъ, и давай крутить жену, окрутилъ жену, спустилъ ее въ яму.

А какъ спустилась она въ яму, слышитъ Семень: драка—такой пискъ пошелъ, такой верескъ поднялся и веревку

трясетъ, избави Господи! Часика два тамъ она воевала, Семень и потянулъ веревку. Тянетъ, потянетъ, а изъ ямы-то не жена, а словно бы чортъ съ рогами. Испугался Семень, скорѣе назадъ опускать веревку.

— Не спускай, сдѣлай милость,—проситъ чортъ,—что хочешь тебѣ сдѣлаю, на вѣкъ свой не забуду дружбу, избавь ты меня отъ лихой бабы. Тысячу лѣтъ я жилъ въ ямѣ тихо-смирно, не спускай, сдѣлай милость!—чортъ инда заплакалъ.

Семень чорта вытащилъ.

— Иди за мной!—сказалъ чортъ съ рогами.

Пошелъ Семень за чортомъ: и страху-то натерпѣлся, только виду не показываетъ, и легко-то ему, что посадилъ-таки жену въ яму,—поори тамъ, кому въ лѣсу нужно!

И приходятъ они къ богатому пребогатому дому.

— Слушай,—сталъ чортъ,—я пойду въ домъ, заберусь на вышку, буду ночь ломотить—не дамъ покою, а ты колдуномъ найдись и проси денегъ много, иди на вышку, тамъ скажи тихо: Я пришелъ, ты вонъ пошелъ! Понимаешь?

— Понимаю.

Какъ сказалъ чортъ, такъ все и вышло.

Помѣшкалъ Семень у дома, потомъ постучался, его и пустили. А въ домѣ ужъ такой шумъ, хоть образа выноси. Назвался Семень колдуномъ, полѣзъ на вышку.

— Я пришелъ, ты вонъ пошелъ!—сказалъ Семень тихонько.

И утихло все, тихо стало, никакого шума. Отвалили Семену денегъ кучу, забралъ Семень деньги, распростился и пошелъ себѣ, посвистываетъ. А у воротъ чортъ его поджидаетъ.

— Иди за мной!—сказалъ чортъ съ рогами.

И приходятъ они къ дому богаче того дома.

— Я,—говоритъ чортъ,—пойду въ домъ и все тамъ сдѣлаю—нашумлю, а ты опять колдуномъ найдись, понимаешь?

— Понимаю.

Какъ сказалъ чортъ, такъ все и вышло.

Зашумѣлъ чортъ, загремѣлъ, да такъ, того и гляди домъ разворотить. Семень—въ домъ, опять колдуномъ назвался. Посулили ему много денегъ. Влѣзъ онъ на вышку.

— Я пришелъ, ты вонъ пошелъ!—сказалъ Семень тихонько.

И успокоилось въ домѣ. Тутъ загребъ Семень деньги, да ужъ и не одну, а цѣлыхъ двѣ кучи, распростился и пошелъ себѣ, посвистываетъ. А у воротъ чортъ.

— Иди домой,—сказалъ чортъ,—наградили тебя, дурака, и чтобъ за мною больше ни-ни!—а самъ злой, съ рогами, пальцемъ грозитъ, хвостъ сталъ дыбомъ волосатый.

Послушался чорта Семень, пошелъ домой. И сталъ Семень жить себѣ да поживать: денегъ куры не клюютъ, сытъ, ньянъ, носъ въ табакъ. Задумалъ Семень жениться.

Вотъ сидитъ разъ Семень ѣстъ соты-меды, пивомъ прихлебываетъ, о молодой жене думываетъ, какъ съ молодою женою жить будетъ. Хватитъ спать. Отворяетъ Семень дверь.— а время ужъ къ ночи.—какіе-то люди, кланяются.

— Насилу,—говоритъ ямы тебя отыскали, Семень Ивановичъ, ну хоть что-нибудь бери, а избавь ты насъ отъ бѣды: третью ночь пою те имѣемъ, чортъ засѣлъ въ домѣ.

Семень и руками и ногами.

— Спаси,—говоритъ чортъ,—на вѣкъ нашъ не забудемъ дружбу. сдѣлай милость!—да въ ноги Семену, плачутъ.

Ну Семень и пошелъ. И приходитъ онъ въ домъ, гдѣ засѣлъ чортъ, и сейчасъ же на вышку, да только это ротъ разинулъ, чортъ цапъ его за горло.

— Ты,—говоритъ,—зачѣмъ?

А Семень едва ужъ дышетъ, такъ чортъ ему горло стиснулъ.

— Смотри,—говоритъ Семень чорту,—девять бабъ пришло такихъ... которая одна тебя изъ ямы выгнала... а такихъ девять пришло.

Тутъ на что хвостъ у чорта крѣпко, да и тотъ задрожалъ, какъ листикъ.

Выпустилъ чортъ Семена.

— Уйду,—говоритъ,—живите, какъ знаете, съ глазъ долой за тысячу верстъ уйду, только не допусти ты до меня этихъ лихихъ!—пятился чортъ, пятился къ балкамъ, да подъ стрѣху.

И съ той поры ни слуху, ни духу, ровно бы сквозь землю провалился.

БРАТНИ

1.

Хорошъ былъ молодецъ Катерининъ братъ, всѣ дѣвицы на него заглядывались. Задумалъ онъ жениться, но сколько ни смотрѣлъ невѣсть, лучше и краше сестры нигдѣ не нашелъ.

— Пойди за меня замужъ!—говорилъ онъ сестрѣ Катеринѣ.

— Пойду,—говорить Катерина: ей никто такъ не милъ, ей никто такъ не любъ, какъ родной братъ.

Ну, и порѣшили жениться. Оставалось только свадьбу сыграть.

А ходила по деревнѣ бабушка-задворенка, старуха старая. Провѣдала старуха про брата съ сестрой и приходитъ въ ихъ домъ.

Подъ вѣнецъ наряжена сидитъ Катерина. Бабушка къ Катеринѣ.

— Разоставь ты,—говорить,—дѣвушка, по всѣмъ четыремъ угламъ по веретѣшку.

Катерина послушала, поставила по четыремъ угламъ веретена, сама къ вѣнцу итти хочетъ.

— Ку-ку!—прошипѣло веретено первое.

— Гдѣ ты?—второе окликнуло.

— Братъ на сестрѣ женится!—сказало третье.

— Просѣла!—отозвалось глухое четвертое.

Катерина къ бабушкѣ. А старуха и говоритъ:

— Четыре ночи поспать тебѣ велятъ, а тогда и замужъ пойдешь.

Катерина послушала; четыре ночи одна она будетъ ждать, а потомъ и свадьба.

И наступила первая ночь, и слышитъ Катерина, какъ сквозь сонъ гдѣ-то далеко кличетъ:

— Ку-ку!—кто-то кличетъ.

На вторую ночь, только-что заснула она, и опять слышитъ, окликаетъ:

— Гдѣ ты?—окликаетъ кто-то.

На третью ночь въ глубокомъ снѣ, будто на ухо, сказать кто-то:

— Братъ на сестрѣ женится!—сказалъ кто-то.

А на четвертую ночь, не успѣла она глазъ закрыть, кто-то какъ крикнетъ:

— Просѣла!—крикнулъ кто-то.

И провалилась Катерина сквозь землю.

2.

Страшно было Катеринѣ въ потемкахъ, темъ тамъ осенняя. Потомъ стало свѣтать, совсѣмъ посвѣтлѣло. Шла Катерина лѣсомъ по сырому бору, долго шла безъ дороги. И видитъ Катерина, стоитъ въ лѣсу избушка, не простая: на турьихъ ножкахъ, на веретенной пяткѣ. Вошла Катерина въ избушку. А въ избушкѣ три горницы. Первая горница—скакухи да жагалюхи, лягушки да ящерицы, вторая горница—ползаетъ-бродитъ слизень: одна голова о семи горлахъ, третья горница—сидитъ дѣвушка, вышиваетъ въ пальцахъ.

Увидала дѣвушка Катерину.

Что ты!—говорить,—куда зашла?—и рассказала Катеринѣ о избушкѣ: избушка Бабы-Яги, а вернется Баба-Яга, худу быть.

Рассказала Катерина, какъ провалилась сквозь землю, какъ попала она въ избушку.

— Какъ бы такъ отъ Яги схорониться!—проситъ Катерина.

А какъ схорониться? Жалко стало Алёнѣ Катерину. Положила Алёна пяльцы, порылась въ сундучкѣ у Бабы-Яги, достала тоненькую хворостинку, пощекотала Катерину подъ лѣлаки-горлышко, и обернула Катерину въ иголку, а иголку заколола себѣ въ воротъ и сѣла опять вышивать въ пяльцахъ.

А Баба-Яга ужъ ѣдетъ, помеломъ машетъ.

— Фу-фу-фу! Русскимъ духомъ пахнетъ! Пообѣдала я на свадьбѣ, поужинаю дома!

А въ избушкѣ нѣтъ никого, все свои, не замѣтна Бабѣ-Ягѣ Катерина.

Пошарила Баба-Яга за печкой, заглянула подъ лавку— нѣтъ никого! — и завалилась спать. И спала Баба-Яга по ягиному безпросыпу до бѣлой зари. Бѣлой зарей поднялась Баба-Яга, разбудила Алёну, подняла всѣхъ скакухъ, всѣхъ жагалюхъ, сѣла на ступу да въ путь на вѣдьмину свадьбу.

Скрылась Баба-Яга, простылъ ея слѣдъ. Достала Алёна изъ сундучка ягиную хворостинку, вынула изъ ворота иголку, поводила хворостинкой по иголкѣ, и стала изъ иголки Катерина.

Просить Катерина вывести ее на дорогу: вернется Баба-Яга, худу быть.

А Алёна и сама рада.

— Три года живу я у Яги въ избушкѣ, — говорила Алёна, — насмотрѣлась я у Яги чудесъ всякихъ. Только уйти не могла, одной трудно, одной не уйти.

Трудно уйти отъ Бабы-Яги. Какъ тутъ уйдешь? Замѣтитъ слизень, сынъ Бабы-Яги, семигорлый, и такой крикъ подыметъ, подъ землей услышитъ Баба-Яга его голосъ. Какъ тутъ уйдешь?

Намѣсила Алёна сухомѣсу, замазала всѣ горла слизню, достала изъ сундучка волшебную щетку, кремень, огниво, взяла за руку Катерину.

— Пойдемъ, сестрица!

И пошли. Побѣжали сестры лѣсомъ по сырому бору, не оглянулись.

А слизень лизалъ да лизалъ себѣ горла, да одно горло и пролизалъ.

— Ой, маманя,—кричитъ семигорлый,—дѣвки ушли!

Баба-Яга свахой сидѣла на вѣдьминой свадьбѣ, Баба-Яга признала голосъ, насторожилась.

А слизень пролизалъ себѣ и второе горло.

— Ой, маманя,—кричитъ семигорлый,—дѣвки ушли!

И опять Баба-Яга слышитъ, будто сынъ кличетъ, только неясно, въ шуму невнятно.

А слизень пролизалъ себѣ послѣднее седьмое горло да какъ крикнетъ:

— Ой, маманя, дѣвки ушли!

Баба-Яга на ступу, Баба-Яга домой.

Приѣхала Баба-Яга въ избушку, вошла въ свои горницы: цѣлы скакухи, цѣлы жагалюхи, цѣль слизень семигорлый. стоятъ пальцы, а Алёны нѣтъ-какъ-нѣтъ, — да опять въ ступу, взмахнула помеломъ да въ погоню.

Бѣжали сестры. Бѣгутъ сестры лѣсомъ, все лѣсомъ, не передохнуть, не присядутъ. Бѣжали, бѣжали, оглянулись, а Баба-Яга тутъ и есть.

— А-а! Проклятыя, попали мнѣ теперь.

Тутъ бросили сестры волшебную щетку и — стала чаша.

Запуталась Баба-Яга въ чашѣ. И долго Баба-Яга пробиралась сквозь чашу, насилу-то выбралась и вѣтромъ пустилась въ погоню. И нагнала сестеръ.

— А-а! Проклятыя, попали мнѣ теперь!

Тутъ бросили сестры волшебный камень — стала гора.

Крута гора, высока передъ Бабой-Ягой. Ужъ карабкалась Баба-Яга, карабкалась, насилу-то взобралась на гору и вихремъ помчалась въ погоню. И нагнала сестеръ.

— А-а! Проклятыя, попали мнѣ теперь!

Тутъ бросили сестры волшебное огниво—и закипѣла пламень-рѣка.

Кипитъ рѣка. Съ одного конца зайдетъ Баба-Яга—пышетъ огонь, съ другого конца, зайдетъ—пышетъ огонь. И повернула Баба-Яга домой въ избушку.

Бѣжали сестры. Бѣгутъ сестры лѣсомъ, все лѣсомъ, не передохнуть, не присядутъ. Бѣжали, бѣжали и добѣжали

до той дыры самой, въ которую Катерина провалилась. И вышли сестры на свѣтъ бѣлый.

3.

Вышли сестры на свѣтъ бѣлый. Опять на землѣ, опять онѣ на дорогѣ.

Призналась Алёна Катеринѣ, вѣдь, и она полюбила своего брата, и провалилась сквозь землю и попала къ Бабѣ-Ягѣ.

— Пойдемъ ко мнѣ,—зоветъ Катерина,—ты выйдешь за моего брата.

— А ты поди за моего, сестрица.

И онѣ пошли по дорогѣ, Алёна да Катерина, сестры.

Алёна вышла за Катеринина брата, Катерина вышла за Алёнина брата. И стали всё вмѣстѣ жить, добра наживать.

ПОДРУЖКИ.

1.

Жили-были двѣ подружки, одна другой подѣ стать, Анюшка и Варушка. Анюшка у матери жила, Варушка одна черезъ три версты отъ Анюшки: родители у Варушки померли.

Дня другъ безъ друга прожить не могли подружки: одинъ день Варушка у Анюшки сидитъ, угощаются, на другой день Анюшка къ Варушкѣ пойдетъ, подружку почествовать. Такъ и гостились.

— Безъ тебя мнѣ, Анюшка, свѣтъ не милъ.

— Отъ тебя, Варушка, никуда не пойду.

Станутъ подружки прощаться, стоятъ-стоятъ, насилу разойдутся. А на завтра опять сошлись: либо Анюшка къ Варушкѣ, либо Варушка къ Анюшкѣ. Такъ и жили.

— Безъ тебя, Анюшка, я жизни рѣшусь.

— Отъ тебя, Варушка, никуда не пойду.

Стали сватать Анюшку. Уперлась—въ жизнь ни за кого не выйдетъ Анюшка, да мать настояла, старуха. И выдали замужъ Анюшку за Андрея. Похорохорилась, пофыркала дѣвка, а потомъ и свыкла: попался ей мужъ хорошій, ладный.

2.

Уѣхалъ Андрей въ городъ. Осталась одна Анюшка. И задумала Анюшка подружку провѣдать: со свадьбы не видалась съ Варушкой, соскучилась безъ подружки.

Вышла Анюшка изъ дому, идетъ по дорогѣ, а встрѣчу ей дѣвка съ пирогомъ-именинами.

— Куда пошла, Анюшка?

— Въ гости къ Варушкѣ.

— Не ходи ты къ Варушкѣ, не будетъ ладу.

— Ну, вотъ еще, не впервой гостимся.

И пошла Анюшка дальше, а встрѣчу ей баба съ поло-
сканьемъ: на рѣчкѣ бѣлье полоскала, домой несетъ.

— Куда ты, Анюшка?

— Въ гости къ Варушкѣ.

— А не ходить бы тебѣ къ Варушкѣ, будетъ худо.

— Что ты! Мнѣ ли отъ нея худо!

И пошла Анюшка дальше. Ёдетъ мужикъ съ сѣномъ.

— Куда ты, Анюшка?

Въ гости къ Варушкѣ.

— Не ходи ты къ Варушкѣ, Варушка людей ѣсть.

— Еще чего скажешь!

И пошла Анюшка дальше, дошла до Варушки. И видитъ Анюшка, у крыльца отъѣденная ножка лежитъ ребячья,—глазамъ не вѣритъ Анюшка. Вошла на крыльцо, а тутъ рука лежитъ,—не хочетъ вѣритъ Анюшка. Въ сѣни зашла, а въ сѣняхъ тулова да головы человѣчьи. Хочешь, не хочешь—повѣришь.

— Иди, иди въ избу!—отворила дверь, кричитъ ей Варушка,—не ходи, не ходи!—машетъ руками.

И зоветъ и не зоветъ подругу.

Не въ толкѣ, не въ умѣ вошла Анюшка въ избу.

Сидитъ Варушка подъ окномъ,—когда-то тутъ сиживали вмѣстѣ подруги.

— Садись и ты, Анюшка!—а сама такъ смотреть... неладно.

И, какъ прежде, сидѣли подъ окномъ подруги. Сколько вечеровъ тутъ прошло подъ окошкомъ, ягоды ѣли, попѣвали пѣсни! Теперь молча сидѣли.

— Я, Варушка, домой пойду,—спохватилась Анюшка,—не по старому ты, не по-прежнему что-то

— Не ходи, Анюшка!—оставляетъ Варушка, а сама такъ смотреть... неладно.

И опять сидѣли подружки, какъ прежде. Сколько вечеровъ тутъ прошло подъ окошкомъ, ягоды ѣли, пофѣвали пѣсни! Теперь молча сидѣли.

Поднялась Анюшка, хочетъ домой. Не хочетъ Варушка отпустить безъ ужина подругу.

— Поужинаешь, тогда и пойдешь!—собрала на столъ Варушка, принесла рыбникъ,—рыбникъ изъ перстовъ состряпанъ человѣчьихъ, угощаетъ пирогомъ подругу.

Анюшка рыбникъ не съѣла, за пазуху запихала.

И не замѣтила Варушка.

— Что, съѣла рыбникъ?

— А тамъ, у сердца,—показала Анюшка, будто все съѣла, и домой хочетъ,—прощай, Варушка.

А Варушка молчитъ, такъ смотреть...

— Отпусти меня, Варушка!—просить Анюшка: чуетъ, не ладно.

Молчитъ Варушка, такъ смотреть... неладно, а потомъ за руку какъ схватить Анюшку, за локоть и выне подъ мышку.

— Нѣтъ ужъ, пришла, такъ и будемъ вмѣстѣ!—и начала се ѣсть, да всю, всю-то Анюшку и съѣла.

3.

Ночью изъ города вернулся Андрей, хватился—нѣтъ жены. Послалъ къ матери, нѣтъ ея и у матери.

— Къ Варушкѣ ушла,—говорятъ Андрею,—видѣли!

Всю ночь прождалъ Андрей,—не вернулась домой Анюшка. И чуть свѣтъ вышелъ Андрей и прямо къ Варушкѣ. Гляди, у крыльца отъѣденная ножка лежитъ ребячья, на крыльцѣ рука, въ сѣни вошелъ, а тамъ тулова да головы человѣчьи. Андрей назадъ домой, созвалъ старшинъ, объявилъ.

Народу сошлось все село, всѣмъ селомъ пошли къ Варушкѣ, кто съ чѣмъ.

Окружилъ народъ избу, приколотили желѣзные рамы къ окнамъ, забили дверь. А Варушка по горницѣ скачетъ, ой, какъ скачетъ! Поскакала тамъ, поскакала и затихла. Посмотрѣли въ окно, лежитъ, затихла. Тутъ натапили хворосту, принесли огня, подпалили хворостъ,—занялся огонь, да и сожгли избу.

КРАСНАЯ СОСЕНКА.

Жилъ былъ богатый мужикъ, и была у мужика три дочери: умная двѣ, а третья дурочка. Собрался отецъ въ городъ на ярмарку, старшія и говорятъ:

— Купи,—говорять,—тятя, намъ по калошамъ.

— А мнѣ купи сосенку!—дурочка просить.

Поѣхалъ отецъ въ городъ, побывалъ на ярмаркѣ, и вернулся домой съ покупками, привезъ, что велѣли: старшимъ—калоши, младшей дурочкѣ—сосенку. Самъ смѣется:

— Куда ты,—говорить, ее дѣнешь, печку топить?

А дурочка взяла сосенку, снесла сосенку на огородъ, тамъ и посадила. Днюетъ и ночуетъ дурочка около своего деревца. Сосенка растетъ, дурочка растетъ.

Износили умныя сестры свои новыя калоши, повѣсили осьметки на огородъ воробьевъ да сорокъ пугать, а у дурочки сосенка выросла высокая, стройная, не простая: постучишься—дверка раскроется, въ домикъ войдешь—сундуки стоятъ, въ сундукахъ наряды—да такіе, какъ у царицы самой. Только про это никто не знаетъ, одна дурочка знаетъ.

А жилъ неподалеку отъ деревни князь. Отецъ у него померъ, и задумалъ князь жениться. Сколько странъ, сколько государствъ онъ объѣхалъ, а нигдѣ не могъ найти себѣ по сердцу. И сталъ князь собирать народъ со всѣхъ селъ и со всѣхъ деревень:

„Авось,—думаетъ,—найдется, придетъ ко мнѣ моя суженая!“

Выпросились у отца умныя сестры, разрядились итти на пиръ къ князю.

— И меня возьмите!—дурочка просится.

— Куда тебѣ, народъ пугать!—не взяли ее сестры, однѣ ушли.

Пошла дурочка на огородъ къ своей сосенкѣ, постучалась въ сосенку—раскрылась дверка и очутилась дурочка въ домикѣ. Убралась тамъ, одѣлась—узнать нельзя, царевна настоящая. А какъ вышла изъ домика и затворилась дверка, откуда ни возмись тройка—заливаются, звенятъ колокольчики. Сѣла дурочка и поѣхала на пиръ къ князю.

Много красавицъ собралось у князя на пиру, на вечерѣ. и одна была всѣхъ краше—дурочка. Князь не отходилъ отъ нея, угощалъ ее, а вывѣдать не могъ, кто такая она. И никто не узналъ дурочку, сестры не признали сестру, а сама о себѣ она никому не открыла.

Вотъ и придумалъ князь: какъ итти дурочкѣ домой, велѣлъ онъ порогъ вишневымъ клеемъ вымазать, а самъ пошелъ до сѣней провожать. Ступила дурочка на порогъ, туфельку и оставила.

А на другой день пустились княжіе слуги по деревнямъ разузнавать, кто потерялъ туфельку у князя на вечерѣ. Заѣхали и на дурочкинъ дворъ. Спросили умныхъ сестеръ, дошла очередь спросить и дурочку—сидѣла дурочка на печкѣ рваная, сажей испачканная.

— Твоя туфелька?—смѣются ей княжіе слуги, и сестры смѣются и отецъ.

— Моя,—говоритъ дурочка. а сама съ печки да на огородъ.

Обрядилась дурочка у своей сосенки, убралась, какъ царевна, вернулась въ домъ. И всѣ диву дались: ужъ такая красавица—сосенка красная!

Тутъ пріѣхалъ самъ князь, свадьбу сыграли и стала дурочка княгинею, и стали они жить-поживать да добра наживать, князь молодой съ княгинею.

КУМУШКА.

Жила-была старушка Кондратьевна, смолоду была Кондратьевна примѣтлива да говорлива, а подѣ старость, хоть глазомъ и ослабѣла, а еще зорче видѣла и хоть одинъ зубъ торчить, а и самъ говорунъ рѣчистый не переговорить ея шамканья. И была у Кондратьевны кумушка,— съ одной ложки ѣли и пили, подружка. Старыя старухи на печи лежатъ, старыя старухи охаютъ, а подружки сойдутся вечерокъ посидѣть, до пѣтуховъ сидятъ, да и вѣкъ бы сидѣть, разговаривать.

Подружка кумушка и померла.

И осталась на свѣтѣ жить одна Кондратьевна.

Богомольная была Кондратьевна, къ службамъ очень любила ходить. Все примѣтитъ Кондратьевна, все высмотритъ: и кто какъ стоитъ, и кто зѣвнетъ, и кто кашляетъ, и на комъ что нарядъ какой,—ничего не упуститъ старуха. А поразсказать-то ужъ и некому, нѣтъ больше кумушки, да и самой послушать нечего, не заговоритъ больше кумушка.

Безъ кумушки скучно Кондратьевнѣ, ляжетъ старуха на печку, время спать—не спится, и лежитъ такъ, тараканьи шкурки считаетъ.

Лежитъ такъ Кондратьевна, шкурки тараканьи считаетъ, не спится старухѣ, вспоминается кумушка. И слышитъ разъ Кондратьевна, среди ночи звонъ въ церкви гудитъ. Встала съ печки да въ церковь. А церковь—полна покойниковъ: въ саванахъ стоятъ покойники и всѣ одинаковые, не видно

лица, не разберешь, кто Иванъ и кто Марья, кто нынче померъ, кто лѣтось. И какъ ни всматривается Кондратьевна,— всѣ одинаковые, стоятъ въ своихъ саванахъ.

А кумушка знакомая, подружка Кондратьевны, сняла съ себя саванъ и говоритъ:

— Нынче мы молимся, упокойники, а не вы, уходи, да чтобы не слышалъ никто, не сказывай!

Ушла домой Кондратьевна: не будетъ она мѣшать покойникамъ, еще добраго и съѣдятъ ее, всю-то схрюпаютъ вмѣстѣ съ косточками. И цѣлый день крѣпко держала старуха свой полунощный зарокъ. Но когда среди ночи опять услышала звонъ, охота посмотрѣть покойниковъ отогнала всякіе страхи. Встала старуха съ печки да скорѣе въ церковь: кто Иванъ и кто Марья, кто нынче померъ, кто лѣтось,—все она высмотритъ, до всего дойдетъ. И опять ея кумушка, подружка знакомая, уходить ей велѣла.

Три ночи кряду ходила Кондратьевна въ церковь, три ночи прогоняла ее домой кумушка. На четвертую ночь Кондратьевна не услышала звону, на четвертую ночь у дверей сталъ покойникъ. Молча въ саванѣ стоялъ у дверей покойникъ, пугалъ Кондратьевну. И на слѣдующую ночь опять у дверей стоялъ покойникъ, пугалъ Кондратьевну.

„Кто—Иванъ или Марья“ Когда умершій—нынче или лѣтось? Зачѣмъ пришелъ? Чтò ему надо?“—хочется старухѣ все разузнать, а какъ разузнаешь,—не говоритъ, помалкиваетъ покойникъ, только пугаетъ.

И домекнулась Кондратьевна. Еще засвѣтло покрыла она столъ скатертью, подъ столъ пѣтушка пустила, чтобы въ полночь спѣлъ пѣтушокъ,—мало ли что!—сама влѣзла на печку, легла ночи ждать.

Лежитъ Кондратьевна на печкѣ, шкурки тараканыи считаетъ, ждетъ ночи, ждетъ покойника.

И пришла ночь, сталъ ночью у дверей покойникъ. Увидѣла его Кондратьевна, да скорѣе съ печки, манитъ къ столу.

Усѣлся покойникъ за столъ и говоритъ:

— Съѣмъ я тебя! И зачѣмъ ты повадилась ходить къ намъ въ непоказанный часъ, терпѣнья нѣтъ моего!—да саванъ съ себя долой.

Тутъ Кондратьевна такъ и ахнула: кумушка, подружка ея знакомая, кумушка сидѣла за столомъ.

А скатерть и говоритъ:

Трутъ меня и моютъ и полощутъ, все терплю, а ты малости такой перетерпѣть не могла!—говорить скатерть кумушкѣ.

И запѣлъ пѣтушокъ, и покойница отступилась.

ВОРОЖЕЯ.

Былъ такой царь заморскій, строгій, за правду стоялъ порядокъ наводилъ,—нарядчикъ. Какіе были въ его государствѣ воры, жулики, озорники и безобразники,—либо перевелись, либо въ другія земли промыслять отошли. Царь былъ строгій и справедливый,—нарядчикъ.

Случилось, царь разболѣлся: и то прикладываютъ и другое,—изъ силъ выбились, а нѣтъ пользы, ничего не помогаетъ.

Вотъ царица царю и говоритъ:

— Есть,—говорить,—въ нашемъ государствѣ, въ заморскомъ, старушка одна, ворожея живетъ. Вотъ если позвать ее, такъ она ужъ скажетъ, какая у тебя болѣзнь.

Царь послушалъ царицу, далъ согласіе.

Пошли за старухой. Позвали старуху. И пришла къ царю старуха, ворожея сама.

— Здравствуй, дитятко, ваше царское величество!—говорить старуха, а сама и глянуть на царя боится: очень ужъ всѣ царя боялись.

Ласково поздоровался царь со старухой, выслалъ вонъ приближенныхъ своихъ царскихъ слугъ, остался одинъ со старухой.

— А что,—говорить,—бабушка, знаешь ты: смерть мнѣ или житье будетъ?

Старуха ни жива, ни мертва.

— Что-жъ, скажи, бабушка!

А старуха царю:

— Гдѣ ужъ мнѣ знать Господню тайность про это,—да въ ноги царю,—станешь, дитятко, ворожить, коли нечего въ ротъ положить!

Жалко стало царю старуху.

Коли не знаешь, бабушка,—сказалъ царь,—а спросить тебя, скажи: смерть будетъ царю. Отъ смерти-то, бабушка, никому не уйти, правда?

— Правда, дитятко, правда.

Простилась старуха, пошла отъ царя.

Тутъ ее, старую, и затормошили,—всѣ на старуху, всѣ хотятъ знать, чтò будетъ царю.

— Чтò будетъ царю: житье или смерть?—всѣ хотятъ знать.

— Утромъ помреть!—одно твердила старуха, чтò велѣлъ ей самъ царь говорить, и до утра, кто-бъ ни спросилъ, всѣмъ и каждому это одно, о смерти,—утромъ помреть!

И до утра всѣ повторяли за старухой про царя старухино царское слово:

— Утромъ помреть.

На утро царь и померъ.

И какъ узнали, что правда, царь померъ: сбылось значить, слово,—и вознесли старуху, да такъ, что на вѣковѣчный хлѣбъ попала.

СЕРДЕЧНАЯ.

Много чего отъ слова бываетъ: словомъ можно, что хочешь, накликать, словомъ и бѣду прогоняють. Мудрымъ людямъ извѣстно, когда сказать слово надо, а когда промолчать—лучше.

Померъ мужъ у Лизаветы, осталась одна она да шестеро ребятъ съ ней. Съ шестерыми-то одной куда не легко, много горя натерпишься!

Ладно жила съ мужемъ Лизавета и теперь затоскнула крѣпко. День въ заботахъ, на мѣстѣ не посидить, а какъ ночь, и не спится, мѣста отъ тоски не найдеть, все о немъ—одна дума.

И сталъ онъ къ ней ночью ходить, колотиться въ дверь.

И разъ пришелъ и въ другой.

Пришелъ онъ въ третій разъ.

— Отворяй,—вопить,—иду ребятъ смотрѣть!—любилъ онъ дѣтей: жалко ребятъ.

Слышитъ Лизавета, отъ страха волосы на головѣ стали, а онъ, знай, въ дверь колотить. И поднялась, вышла въ сѣни.

— Когда бросилъ да покинулъ, тогда не жалѣлъ, а нынче нечего съ тобой дѣлать, не пущу!

А онъ стоитъ подъ дверями, ой, вопить.

И до пѣтуховъ держалъ мертвецъ Лизавету въ сѣняхъ: не могла она тронуться съ мѣста, стояла у дверей въ холодныхъ сѣняхъ.

А на утро рассказала Лизавета людямъ, какъ отъ тоски свѣту онъ не видитъ, и что ходить по ночамъ, беспокоить ее покойникъ. И кто бы ни зашелъ ее провѣдать—жалѣли Лизавету, сердечная, до бѣдныхъ добра была,—прохожій ли, странникъ, сосѣди, всякому рассказывала она про свое горе, ни въ чемъ не таилась.

И всякій пожалѣлъ Лизавету. Всякій ее, кому бы ни рассказала.

И больше не сталъ мертвецъ ходить.

ОТГАДЧИЦА.

Жиль-быль старикъ со старухой, и плохо пришлось старикамъ, такъ обѣдняли, что не стало у нихъ и куска хлѣба. Что тутъ дѣлать? Вотъ старуха и надумала.

Возьми,—говорить старику,—у сосѣда, сосѣдъ богатый, возьми,—говорить,—коровъ, загони ихъ въ свою пожню!

Старикъ согласный: что старуха, то и старикъ,—загналъ старикъ сосѣдскихъ коровъ на свою пожню. А тамъ хватились, у сосѣда, ищутъ коровъ, найти не могутъ.

Тутъ старуха выжидала время, да къ сосѣду.

— Что,—говорить,—сосѣдъ, не могу ли я въ сей вечеръ твоихъ коровъ отворотить?

Обрадовался сосѣдъ.

— Ежели,—говорить,—бабушка, твоя сила будетъ, чѣмъ могу, тѣмъ и поблагодарю, только верни коровъ.

Карасьевна домой, за старика.

— Гони,—говорить,—старикъ, коровъ домой.

Старикъ согласный: что старуха, то и старикъ,—погналъ старикъ коровъ къ сосѣду. А сосѣдъ на радостяхъ Карасьевнѣ пудъ муки.

И сталъ старикъ со старухой жить да поживать, и все было хорошо, пока не съѣли пудъ сосѣдскій.

Кончилась мука, попали опять старики въ бѣдность, опять пришла нужда. И опять пришлось старикамъ за старое взяться: тоже и съ другимъ сосѣдомъ продѣлали, загнали коровъ, потомъ старуха коровъ вернула и получила новый пудъ.

Такъ хватовщиной и прокормились старики лѣто.

А слава о Карасьевнѣ, о колдовской ея силѣ такая пошла, самъ государь узналъ.

Пропалъ у государя о ту пору самоцвѣтный камень, и сколько его ни искали, найти нигдѣ не могутъ, какъ въ воду канулъ. И пришло государю на разумъ испытать Карасьевну: пускай отгадаетъ старуха, кто унесъ его камень.

Вдуть за Карасьевной два царскихъ лакея: Брюхъ и Хребетъ—они же и царскіи камень украли, только все шито-крыто. Вдуть лакеи, ведутъ разговоры.

— Вотъ чтò, Брюхъ,—говорить Хребетъ Брюху,—ежели старуха и вправду отгадать можетъ, что мы у царя камень взяли, давай положимъ куриныя яйца въ сани, узнаетъ старуха, стало быть, вѣрно, колдунья.

— Что же, положимъ,—согласился Хребетъ.

Хотѣли лакеи испытать старухину силу. И сейчасъ же, какъ только въ село вѣхали, не заходя въ домъ, достали куриныхъ яицъ, да тихонько въ сани и сунули.

А Карасьевна, какъ увидѣла Хребта и Брюха, да узнала, что отъ самого государя лакеи, везти ее къ государю посланы, перепугалась на смерть.

— Не поѣду,—стоитъ старуха,—безъ старика не поѣду, онъ тоже знаетъ.

Имъ-то чего, со старикомъ ли, безъ старика, все едино, уложили котомки и въ путь.

Усѣлся старикъ въ сани, сѣла старуха, прощается съ домомъ—куда ужъ вернуться!

— Сѣсть,—говорить,—мнѣ было, какъ курицѣ на яйца.

А лакеи такъ другъ друга и подтолкнули.

— Эка, вѣдьма, заразы узнала!—и всю-то дорогу помалкивали оба: чѣмъ ближе къ государю, тѣмъ страхъ больше.

И старикъ со старухой молчали: не вернуться имъ домой вовѣки!

Ночью пріѣхали старики ко дворцу. Отвели старикамъ комнату особую, велѣли спать. А Брюхъ съ Хребтомъ подъ дверями уши наострили.

Ворочался старикъ,—нѣтъ сна, какой ужъ сонъ!

— Ой, ворона,—не вытерпѣлъ, сказалъ старикъ старухѣ,—залетѣла въ высоки хоромы, что-то намъ будетъ?

— Что будетъ брюху, то и хребту!—горько сказала старуха, горько ей было старой: хоть и въ бѣдности жили, да не въ бѣдѣ, а тутъ крышка.

Какъ слышали Брюхъ съ Хребтомъ старухины слова, такъ тутъ у дверей и присѣли.

— Отдать надо, отгадала злодѣйка, отдать надо!—да ползкомъ, ползкомъ въ свою лакейскую каморку, да скорѣй за сундукъ, вынули изъ сундука камень и съ камнемъ назадъ къ старикамъ, стучать къ старикамъ.

А старикъ со старухой со страху тычутся, дверь отыскать не могутъ, чуть живы отъ страху, насилу-то отворили.

Тутъ Брюхъ и Хребетъ старухѣ въ ноги:

— Не говори на насъ, бабушка, что онъ у насъ хранился!—и подаютъ старухѣ камень, да сто рублей денегъ.

Приняла Карасьевна камень и сто рублей денегъ и ужъ до самаго утра такъ его въ рукахъ и держала, а старикъ стоялъ, ее застилъ: горѣлъ самоцвѣтный камень, игралъ, какъ Божьи огни—звѣзды.

На утро привели старуху къ государю.

— Что, старуха,—спрашиваетъ государь, гадала?

— Гадала, батюшка,—говоритъ Карасьевна,—и отгадала, батюшка, гдѣ твой камень есть. Въ Москву унесенъ. черезъ недѣлю достану.

И цѣлую недѣлю жилъ старикъ со старухой во дворцѣ у государя, цѣлую недѣлю изъ комнаты никуда не отлучались, караулили старики камень: мало ли грѣхъ какой, не услѣдишь, стащутъ!

Черезъ недѣлю повели старуху къ государю, и отдала Карасьевна государю его самоцвѣтный камень.

Удивился государь такой колдовской силѣ.

— Ну,—говоритъ,—бабушка, за такую службу мало тебѣ и царской награды! Здѣсь ты желаешь жить или въ свою сторону назадъ ѣдешь?

А Карасьевна едва духъ переводить и пала въ ноги государю:

— Батюшка, гдѣ меня взялъ, отвези назадъ.

И отправилъ государь старика и старуху домой и наградилъ хлѣбомъ до самой ихъ смерти.

ДОГАДЛИВАЯ.

1.

Жилъ одинъ человѣкъ бѣдный, много терпѣлъ, а все неудача: не везло ему ни въ чемъ—да и только. И не то, чтобы тамъ о какихъ-нибудь богатствахъ, объ одномъ ужъ у него мысль: хоть какъ-нибудь да Богъ далъ бы день прожить. Былъ онъ семейный: жена, дѣти,—и жить бы ему съ семьей дружно, да жить нечѣмъ. И чѣмъ дальше, тѣмъ нужда больше. И такъ ему плохо пришлось, что и кормиться нечѣмъ.

Вышелъ Прохоръ изъ дому, а куда итти—и самъ не знаетъ. А итти надо: безъ денегъ хоть и домой не возвращайся. А гдѣ достать денегъ,—такъ, съ вѣтру, и копѣйка не валится. И стало ему горько.

„Хоть бы чортъ денегъ мнѣ далъ, ужъ я бы ему и душу продалъ, чтобы только ребятамъ кормить!“

И только это онъ о чортѣ подумалъ, чортъ и явился.

— А,—говорить,—здорово, Иванычъ!—а золотой у самого въ лапѣ такъ и играетъ,—хочешь?

Какъ тутъ быть: не откажешься—деньги налицо, только бери.

— Что-жъ, давай!—протянулъ руку Прохоръ за золотымъ.

А чортъ и говорить:

— Ишь, какой! Ты, Иванычъ, напередъ мнѣ дѣло одно сдѣлай, а потомъ и деньги твои будутъ. Палецъ безымян-

ный надо... ну, кровку изъ пальца выпустимъ, такъ чуть-чуть, ты мнѣ условіе подпиши, Иванычъ, и готово.

— Ладно,—согласился Прохоръ.

И живо все это дѣло сдѣлали, изъ безымяннаго пальца кровь выпустили, подписалъ Прохоръ чорту условіе, а чортъ Прохору—денегъ: золотой.

— За душой приду, прощай!—только хвостомъ и вильнулъ чортъ.

2.

Съ золотымъ вернулся Прохоръ домой. И съ той поры не переводились деньги, разжился, началъ торговать, и пошла совѣмъ другая жизнь. Забылъ бѣднякъ о всякой нуждѣ, легко было жить, и не замѣтилъ онъ, какъ старость подошла.

И чѣмъ ближе къ смерти, тѣмъ больше сталъ задумываться старикъ.

И то, что чорту кровью условіе подписалъ—душу ему, черному, продалъ, мучило старика, и еще то, что столько лѣтъ со старухой въ дружбѣ да въ любви живетъ и во всемъ въ душу и все съ ней въ совѣтъ, а главнаго-то, откуда у него тогда золотой появился, не открылъ онъ старухѣ, ничего старуха объ условіи его съ чортомъ знать не знаетъ.

Сидитъ такъ старикъ, голову повѣсилъ: чорта ему страшно—грѣхъ мучить, да и передъ старухой вину свою знаетъ, а сказать тяжело.

— Что ты, старикъ, все задумываешься?—спрашиваетъ старуха,—раньше-то намъ думать было о чемъ, когда жили мы бѣдно, а теперь что намъ думать!

А старикъ ей, молчалъ-молчалъ, да и говорить:

— Не знаешь ты, старуха, гдѣ я тогда золотой взялъ! Я чорту душу продалъ.

Сказалъ старикъ, а самъ пуще испугался: думалъ, что ужъ старуха такъ тутъ на мѣстѣ отъ страха и кончится.

А старухѣ и горя мало.

— Нашелъ, чѣмъ горевать! А пускай только придетъ чортъ: ужъ если брать твою душу, такъ и мою долженъ взять, а мою не возьметъ, такъ и твою не возьметъ.

Легокъ чортъ на поминѣ, чортъ стучится:

— Отпирай, Иванычъ, я пришелъ!

А на старикѣ лица нѣтъ, двинуться не можетъ.

Пошла старуха, отперла дверь, впустила чорта.

— Здорово!—такъ хвостомъ и виляется,—я за душой, Иванычъ!

— Нѣтъ, ты и мою бери,—наступаетъ старуха,—столько лѣтъ вмѣстѣ жили, такъ не годится.

— А на кой мнѣ твоя, бабья, я за нимъ пришелъ! Да много-ль возьмешь за свою?—самъ такъ и юлитъ: ему, чорту, тѣмъ больше душъ, тѣмъ лучше.

— Денегъ я не возьму, а справъ ты мнѣ трп задачи: справишь—тебѣ обѣ души, не справишь—иди отъ насъ по добру, по здорову.

— Еще чего!—подскочилъ чортъ: чортъ все можетъ, ему на бабу обидно.

Ударили по рукамъ: справить чортъ три задачи—возьметъ душу старика да и бабью даромъ въ придачу, а не справить—ни одной не получить.

А старикъ ни живъ, ни мертвъ: страшно ему за себя, страшно и за старуху, какъ бы старуха передъ чортомъ не сплеховала.

Стала старуха посреди избы, да какъ чи-хнеть:

— На,—говорить,—имай!

Чортъ ловить, ловилъ-ловилъ, не можетъ нигдѣ поймать.

— Ну, вотъ и не справилъ задачу, а еще чортъ!—подзадариваетъ старуха.

Бѣсится чортъ: чортъ все можетъ, ему на бабу обидно.

Выдернула старуха изъ-подъ повойника волосинку.

-- На тебѣ, выпрями волосъ!

Чортъ за волосъ, крутилъ, вертѣлъ, и вертѣлъ, и межъ ладонями каталъ, выпрямить не можетъ, да и разорвалъ.

— А еще чортъ! Ничего-то ты не можешь,—знай себѣ, дразнить старуха.

Пуще бѣсится чортъ: чортъ все можетъ, ему на бабу страсть обидно.

— Вотъ у меня родимое пятно,—показываетъ чорту старуха,—седьмой десятокъ на тѣлѣ ношу, слижи, чтобы добѣла.

Чортъ лизать, лизалъ-лизалъ, стало языку больно, а пятнышко не сходить, только старухѣ локоть натеръ. И невмоготу ужъ старухѣ, терпѣла-терпѣла, да какъ дрыгнетъ ногой: у чорта изъ глазъ инда искры посыпались.

И отступился.

Отступился чортъ, да драла безъ оглядки, забылъ и про душу.

ЛЕПЕТЛИВАЯ.

1.

Жилъ-былъ человѣкъ съ женою. Жену Маримьяной звали. Хороша была баба Маримьяна, другія бабы примутся языкомъ чесать, такого нагородятъ и правды не добьешься, а Маримьяна, чтобы соврать или насочинить чего, такого въ жизнь за ней не водилось,—одну сущую правду. Всѣмъ хороша и хозяйственная,—одно горе—утаить съ такой ничего невозможно, все такъ и расскажетъ, какъ было, не утаить.

Ходилъ Яковъ въ лѣсъ и нашелъ кладъ и взять одному такой кладъ несподручно, безъ Маримьяны не обойдешься. А какъ Маримьянѣ вколотишь, что кладъ—тайность и говорить о такомъ не годится: выйдетъ въ люди, еще бѣды наживешь!

Вотъ идетъ онъ домой, раздумываетъ, дошелъ до рѣчки, а въ рѣкѣ забранъ язъ—загорожена, и въ язу вятерь, а въ вятерь ту попала щука большая. А былъ Яковъ мужикъ со сметкой: щуку онъ изъ верши вынулъ и пошелъ себѣ сторонкой въ лѣсу. Стоять въ лѣсу кляпцы, а въ кляпцы попалъ заяцъ. Яковъ зайца изъ капкана вынулъ, да на его мѣсто щуку и посадилъ, и опять къ рѣчкѣ къ язу, и тамъ пустилъ зайца въ вятерь.

Уже сумеречкомъ пришелъ Яковъ домой.

— Ну,—говорить,—жена, затопляй печку да пеки блиновъ болѣй!

— А что такое? На ночь глядя, печку топить!

— Да ужъ затопляй: намъ сеночи въ лѣсъ итти за деньгами, я кладъ нашель!

Сейчасъ Маримьяна къ печкѣ, затопила печку и стала блины печь. Стала она блины печь, а Яковъ сѣлъ блины ѣсть п котомку съ собой рядышкомъ поставилъ: блинъ съѣстъ, а два да три—въ котомку. Маримьяна-то не видитъ, только знай печетъ,—отъ печи распыхалась.

— И что это ты, Яковъ, такъ разѣлся, блиновъ не напечешься!

— Глухая, да вѣдь денегъ-то сколько, надо поплотнѣй поѣсть, не удержишься!

Наѣлся Яковъ блиновъ, а того болѣ въ котомку накласть. И какъ стала ночь, айда въ лѣсъ за кладомъ.

2.

Вотъ идутъ они лѣсомъ. Яковъ впереди, самъ идетъ да блины-то изъ котомки-то вынимаетъ, да по суковью-то вѣшаетъ, по лѣсу-то. А Маримьяна сзади, ей и непримѣтно. Шла, шла и увидала.

— Ой, что же это, хозяинъ, по суковью все блины-то!

— Эхъ, глупая, развѣ не видала, это блинная пища выпала.

— Ой! Я и не видала!

Дошли до капкана.

— Посмотри-ка, Яковъ, тамъ нѣтъ ли чего?

Якову того и надо,—изъ кляпцовъ шуку и вытащилъ.

— Ой, хозяинъ! Какъ рыба-то въ кляпцы попала?

— Эхъ, глупая, не видала, есть такая рыба, по сушѣ ходить.

Дошли до рѣчки, въ язу верша тамъ.

— Посмотри-ка, Яковъ, нѣтъ ли тамъ кого?

Яковъ вытащилъ вятеръ, а въ немъ заяцъ.

— Ой, хозяинъ, да что же это въ вятерѣ-то заяцъ!

— Эхъ, глупая, не видала, есть такіе зайцы, въ водѣ ходятъ.

Такъ со шукой, что по сушѣ ходить, да съ водянымъ зайцемъ дошли они до клада. И принялись за работу, наклали денегъ по такой котомкѣ по большущей и пошли домой.

А итти имъ прямѣй селомъ было, мимо барской усадьбы. Поровнялись они съ барскимъ дворомъ, на дворѣ козелъ заблеялъ.

— Ой, хозяинъ, кто это?

А Яковъ не будь дуракъ.

— Бѣги,—говорить,—барина-то черти давятъ!—да самъ бѣгомъ.

И она за нимъ.

Бѣжали, бѣжали. Храпитъ ужъ, тошно ей, а все бѣжить. И прибѣжали. Слава Богу!—и кладъ, и цука, и заяцъ—цѣло.

3.

Хороша была баба Маримьяна, хозяйственная, рано вставала, рано печку топила, раностайка. А тутъ, какъ ночь-то проходила, по утру поздно стала, поздно затопила печку. Вышла по воду къ колодцу. А ужъ бабъ не мало накопилось у колодца.

— Что это ты, сосѣдушка, такая раностайка, а сегодня у васъ поздно печка топится?

— Ночь проходила, сосѣдушки.

— Куда же ты ходила?

— Ой, куда муженекъ: Яковъ кладъ нашелъ!

Ну, по всей по деревнѣ, какъ телеграмма пошла: Яковъ кладъ нашелъ. Дошло до десятскаго, сказали старостѣ, а отъ старосты—къ барину.

И сейчасъ призываетъ баринъ Якова.

— Что, голубчикъ, нашелъ кладъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе. И кто это вамъ на-сказалъ такое?

— Жена ваша сказывала. Всѣ знаютъ.

— Призовите жену, ваше благородіе, клада мы никакого не находили.

Пошелъ староста за Маримьяной, привелъ бабу.

— Что, голубушка, нашли кладъ?

— Нашли, нашли, батюшка, нашли.

— Ну, а какъ же это вы нашли?

— А шли мы все лѣсомъ. И по лѣсу все блины.

— Блины?

— Блинная пища выпала. Идемъ дальше, стоять кляпцы, а въ кляпцахъ-то этакое мѣстище—щука!

— Щука?

— Вынули мы щуку, щука по сушѣ ходить, дошли до рѣчки. Забранъ тамъ язъ, въ язу заложенъ вятерь, вытащили вятерь, а въ вятерѣ-то этакое мѣстище—зайчище!

— Да въ какое же время вы шли?

— Въ самое, въ самое-то время, когда тебя, батюшка, черти-то давили.

— Какъ! Меня? Черти... вонъ!—осерчалъ, затопалъ ногами.

— Вотъ, ваше благородіе, слышали? Вреть все. Я съ ней вѣкъ такъ живу.

Ну, баринъ видитъ, чего съ такой взять, и отпустилъ ихъ домой съ миромъ. Кладъ при нихъ и остался.

МУДРАЯ.

1.

Былъ одинъ купецъ богатый. Былъ у него сынъ Ванюшка и такой умный—никуда не ходилъ, ни по пирамъ, ни по бесѣдамъ, никуда.

— Что это у насъ сынокъ никуда не ходитъ, никого не знаетъ? Надо женить его!

— А ты посылай его на бесѣды,—совѣтуетъ мать.

Отецъ къ сыну:

— Что ты, Ванюшка, никуда не ходишь?

Куда я, тятенька, пойду, я никого не знаю.

— Ты бы хоть къ дѣвушкамъ на бесѣду сходилъ.

— Можно, схожу.

Дать ему отецъ три рубля денегъ.

— Поди,—говорить,—купи гостинцевъ и иди на бесѣду, дѣвушекъ попотчуй.

Купить Ванюшка гостинцевъ, идетъ по городу, раздумываетъ, куда идти.

„На господскую бесѣду неприлично, на купеческую страшно. Пойду-ка я, гдѣ, мѣщанки сидятъ, тамъ попроще!“.

И пошелъ на мѣщанскую бесѣду.

Дѣвокъ бесѣда большая сидитъ. Всѣ ему рады: не бывалъ на бесѣдѣ никогда.

Одна дѣвка бойкая, Танюшка, вскочила къ нему:

— Пожалуйте, пожалуйста, вотъ мѣсто тутъ!

Ванюшка и сѣлъ къ ней. Отдалъ ей гостинцы.

— Вотъ, Танюшка, потчуй подругъ.

Танюшка по разу обнесла подругъ, остальное себѣ.

И деньги, что у него остались, отдалъ онъ Танюшкѣ.

— Миѣ, — говоритъ, — не надо, у насъ, у тятеньки. денегъ много! — и пошелъ домой.

Дома встрѣчаетъ отецъ.

— Ну, что, Ванюшка, понравилось на бесѣдѣ?

— Да ничего, тятенька, хорошо. Понравилось.

— А ты на другой вечеръ еще сходи.

— Можно, только миѣ, тятенька, этихъ денегъ мало. Дай пять рублей.

Отецъ далъ денегъ.

И на слѣдующій вечеръ взялъ Ванюшка гостинцевъ, сколько нужно, и пошелъ на бесѣду. И опять садится къ Танюшкѣ. И опять ей отдалъ деньги. А она его и провожать пошла.

И сталъ Ванюшка ходить каждый вечеръ. А денегъ просить у отца все вдвое, все вдвое: до двадцати пяти рублей дошелъ и до тридцати дошелъ.

Схватился отецъ.

— Не въ добрый часъ мы послали сына по бесѣдамъ ходить. Теперь онъ насъ разорить.

— Самъ послалъ по бесѣдамъ ходить! — отвѣчала мать.

— Не лучше ли его женить?

— Такъ что же, жени.

Отецъ къ сыну:

— Ванюшка, не желаешь ли ты жениться?

— Что же, тятенька, жените.

— А кого прикажешь сватать-то?

— Сватайте Танюшку. Дѣвка-то хорошая.

Отецъ уперся.

— Намъ такой не надо. Не то, что въ домъ, а дома не надо.

— А миѣ больше никакая не надобна.

— Подзаборная! — вступилась мать, — да мы за тебя найдемъ невѣсть умныхъ-разумныхъ, благочестивыхъ, отъ хорошаго отца и матери, съ большимъ имѣніемъ, съ большимъ приданымъ.

— Ну, какъ хотите. Кого возьмете, съ тѣмъ жить и буду,—согласился Ванюшка.

2.

Поѣхали сватать и высватали невѣсту умную-разумную, благочестивую, отъ хорошаго отца и матери, съ большимъ имѣніемъ, съ большимъ приданымъ. И женили Ванюшку. Свадьбу сыграли хорошую, богатую. Послѣ пира спать молодыхъ положили. И сами улеглись. Все утихло вездѣ. Никто не сталъ ужъ ходить въ домъ.

Ванюшка говоритъ Машѣ:

— Оставайся, жена, я пойду къ Танюшкѣ.

— Ну, ступай съ Богомъ.

И пошелъ и вернулся во-время: еще всѣ спятъ. А поутру пришли молодыхъ будить, видятъ—двое. Никто не узналъ, а она никому не сказала.

На другой день поѣхали къ Машиной роднѣ, къ ея отцу-матери на отводину. Тамъ тоже гуляли. Стали готовить постель молодымъ на верху. Ванюшка говоритъ Машѣ:

— Я тамъ не лягу, приготовляйте внизу, къ дверямъ ближе.

Она упросила мать и имъ внизу постелили.

И какъ улеглись всѣ, какъ затихло все и замолкло, онъ опять:

— Оставайся, жена, я пойду къ Танюшкѣ.

И такъ каждую ночь ходить и ходить. А жена, какъ чужая,—перстомъ не дотронется. Ходить, изъ дому все тащить.

Стали замѣчать отецъ съ матерью.

— Скажи, Машенька, не ходитъ куда Ванюшка отъ тебя?

Нѣтъ, никуда не ходитъ Ванюшка отъ меня. Постоянно все со мной.

Ну, да не проведешь стариковъ, сами дознались.

— Нужно его послать за границу. Можетъ, и отстанетъ отъ Танюшки.

— Пошли его,—согласилась мать.

Отецъ къ сыну:

— Ванюшка, не съѣздишь ли ты поторговать за границу? Я тебѣ нагружу товару корабль.

— Что-жъ! Я, тятенька, поѣду.

Долго дѣла не откладывали, нагрузилъ отецъ товару корабль.

— Свои товары продашь, заграничныхъ накупишь и опять домой пріѣзжай.

— А какой тебѣ, тятенька, подарокъ привезти заграничный?

— А привези мнѣ шапку въ пятьдесятъ рублей.

— А тебѣ чего привезти, маменька?

— Привези мнѣ во сто рублей шаль.

— Хорошо, маменька, привезу.

Обернулся къ женѣ:

— Тебѣ чего нужно?

— Мнѣ ничего не нужно: своего всего много. А привези, Ванюшка, ума.

— Хорошо, привезу.

Побѣжалъ къ Танюшкѣ.

— Заграницу торговать ѣду. Какой подарочекъ привезти тебѣ, Танюшка?

— Привези въ пятьсотъ рублей салопъ.

— Хорошо, привезу. Только какъ я тебѣ его передамъ? Приходи на пристань, когда вернусь.

Простился и поѣхалъ.

3.

Пріѣхалъ Ванюшка заграницу. Привалилъ на пристань корабль. И пошла торговля, такая торговля пошла, и не рядится: что спросятъ, то и даютъ. Всѣ товары распродать по самой дорогой цѣнѣ, а набралъ товаровъ заграничныхъ по самой дешевой цѣнѣ. И подарки накупилъ: шапку отцу, шаль матери, Танюшкѣ салопъ, и осталось только женѣ ума купить.

„Гдѣ ума купить?“—ходитъ по городу, думаетъ: безъ ума ему домой невозможно ѣхать!

Зашелъ въ одинъ магазинъ, самый большой, заграничный.

— Что, господа, нѣтъ ли продажнаго ума?

Разсмѣялись.

— Дуракъ,—говорять,—есть умы у насъ, да про себя, дуракъ!

Закрывъ глаза, со стыдомъ вышелъ, идетъ по городу—головушка повѣшена.

Ай, попадаетъ ему встрѣчу пьянчужка рваная.

— Что ты такъ, голубчикъ, задумался? Головушка повѣшена?

— Уйди, что тебѣ за дѣло!—отмахнулся отъ пьянчужки рваной.

И разошлись.

А прошелъ немного и раздумался.

„Этакіе, можетъ, и лучше знаютъ, гдѣ ума купить!“

— Стой,—кричитъ,—эй, другъ, воротись-ка!

Пьянчужка тутъ-какъ-тутъ.

— Ну, что тебѣ нужно?

— А не знаешь ли, гдѣ умы продаютъ? Жена наказала ума купить, безъ ума мнѣ пріѣхать домой невозможно.

— Пойдемъ со мной! Ума сколько хочешь найду.

Ну, конечно, куда же—въ трактиръ въ Симпатію. Привелъ его пьянчужка въ Симпатію, усадилъ за столікъ.

— Посиди,—говоритъ,—тутъ. Я сейчасъ. Я это дѣло тебѣ сдѣлаю, ума доставлю, только умъ дорогъ—семьсотъ рублей.

— Семьсотъ, такъ семьсотъ!

Долго ходилъ пьянчужка. Наконецъ-то явился, несетъ узелокъ подъ мышкой: въ рогожкѣ узелокъ, укутанъ веревками на-крѣпко.

— Денежки пожалуйста, семьсотъ рублей.

Отсчиталъ Ванюшка деньги, а тотъ ему узелокъ.

— Не смотри до дома, а то уйдетъ умъ отъ тебя.

Взялъ Ванюшка узелокъ и на корабль. Тамъ, въ каютѣ закрылъ окна и дверь, положилъ узелокъ въ уголъ. И стали отправляться въ путь.

Мало ли, много ли мѣста проѣхали, и сталъ этотъ узелокъ его мучить.

„За что я семьсотъ рублей отвалилъ? Чего я домой женѣ привезу?“—только и дума, только и мука.

И сошелъ Ванюшка въ каюту, заперся, да за узелокъ. Путалъ, путалъ—распуталъ. А тамъ — худыя брючишки, рваныя-прерваныя, да и пиджаченка рвань, да шапченка рваная, худая, да сапоги оборыши безъ голенищъ, одни коты.

Хлопнулъ себя съ досады.

— Такъ вотъ за что я семьсотъ отвалилъ!

Сгребъ рвань въ оханку и понесъ—куда же?—только въ море.

И только что замахнулся сбросить въ море, вдругъ сталъ.

„А не свезти-ка мнѣ лучше домой?“.

И вернулся въ каюту, кинулъ въ уголъ рвань.

4.

Приѣхалъ Ванюшка домой на сутки раньше. Привалилъ къ пристани корабль. Сошелъ въ каюту, вытащилъ узелокъ, одѣлся въ это ризье, обулся. И пошелъ съ корабля нищимъ.

Приходить къ отцовскому дому. Помолится у порожка, просить милостыньку Христа ради.

Вышелъ отецъ, тридцать копѣекъ вынесъ.

— Приими, нищенка, милостыньку! Помолись за моего сына Ванюшку.

А мать за нимъ полтинникъ даетъ.

— Помолись за нашего сына Ванюшку.

Выходитъ жена, рубль несетъ.

— Прими, нищенка, милостыньку. Помолись за моего милаго мужа Ванюшку, чтобы далъ ему Господь ума-разума.

Поклонился Ванюшка отцу, матери и женѣ и пошелъ отъ двора къ Танюшкѣ.

У Танюшки—огонь, дверь не заперта. Вошелъ въ домъ. А тамъ столъ, какъ буфетъ. На столѣ разныя закуски, выпивка, рюмки. И сидитъ у нея за столомъ такой рыжикъ. Вотъ охвываются, цѣлуются. Оба пьяные.

— Я, пока жива, отъ тебя не отстану!—хлопнула Танюшка объ столъ кулакомъ,—и отъ Ваньки тоже не отстану, пока его по міру не пуцую.

— Милостыньки Христа ради!

Кидкомъ кинула три копѣйки.

— Убирайся къ чорту!

Вышелъ, перекрестился Ванюшка.

— Слава Тебѣ, Господи! Не жаль мнѣ и денегъ: не рвань, я умъ купилъ!

Вернулся Ванюшка на корабль. Одѣлся, сдобился, дожидаетъ свѣта. И какъ свѣтло стало, ѣдетъ къ нему Танюшка на тройкѣ.

— Все ли благополучно? Какъ поживаешь, Танюшка?

Заплакала Танюшка.

— Про меня-то ты и не спрашивай! Безъ тебя я переплакалася, перетосковалася. Привезъ ли ты мнѣ подарочекъ?

— Привезъ, привезъ.

И пошелъ въ каюту и она за нимъ.

И какъ вошли въ каюту, онъ ее схватилъ и ну мять и топтать. Всю изодралъ—всю въ кровь. Какъ кусокъ мяса выкинулъ.

Извозчики не берутъ.

— У насъ,—говорять,—дама ѣхала! А это что? Мясa кусокъ.

Не обернулся Ванюшка, пошелъ къ дому—къ отцу-матери. Всѣ его встрѣчаютъ—и отецъ, и мать, и жена.

Поздоровался онъ съ отцомъ, съ матерью и съ женой. Приоглядѣлся и сталъ подарки дарить.

Отдалъ отцу шапку.

— Вотъ тебѣ, тятенька, шапка въ пятьдесятъ рублей. Хороша ли?

— Хороша, Ванюшка.

Подаль матери шаль.

— Вотъ тебѣ, маменька, шаль въ сто рублей. Хороша ли?

— Хороша, Ванюшка.

Подаетъ салопъ женѣ.

— Вотъ тебѣ, милая жена, въ пятьсотъ рублей салопъ. Какъ обрадовалась Машенька.

— Слава Тебѣ, Господи! Даль Ты ему, Господи, ума-разума!

И стали они жить по-хорошему.

ВЪРНАЯ.

I.

У богатаго купца былъ одинъ сынъ, малый гораздый. Вотъ отецъ и мать говорятъ ему:

— Васенька, надо женить тебя—время подошло.

— Жените.

— А люба ли тебѣ невѣста, дочка купца Печникова?

— Что-жъ, люба! Поѣдемте.

И отправились всѣ трое къ богатому купцу Печникову. Высватали его дочку. Сѣли родители уговариваться, а Василій въ невѣстину комнату.

— Теперь ты, все равно, моя!—и ну любезничать.

Она было отговариваться:

— Не долго, вѣдь, обвиняемся.

— Ну, все равно, и теперь, что моя.

Она и согласилась.

А онъ отъ нея прочь.

— Обожди маленько. Я сейчасъ схожу къ отцу, поговорю маленько и вернусь.

И вышелъ къ отцу, къ матери, да тихонько подговорить ихъ, чтобы домой ѣхать. И ужъ къ невѣстѣ не вернулся.

Приѣхали домой.

— Не надо мнѣ, тятенька, этой невѣсты: дому она не хозяйка и мужу не жена.

На другой день старики опять къ сыну:

— Васенька, поѣдемъ къ купцу Костерину свататься.

— Что-жъ, поѣдемте. Мнѣ его дочка нравится.

И отправились всѣ трое къ богатому купцу Костерину. Высватали невѣсту. И опять случилось то самое, что и у купца Печникова.

Ни съ чѣмъ вернулись домой.

— Не надо мнѣ, тятенька, и этой невѣсты: дому она не хозяйка и мужу не жена.

— Обезчестилъ ты насъ, Василий. Стыдно намъ будетъ и встрѣчаться. Теперь, какъ самъ знаешь, такъ и дѣлай. Хоть холостымъ живи, хоть женись. Мы съ тобой не поѣдемъ больше!

— Ну, такъ я самъ пойду и выберу себѣ невѣсту.

Идетъ Василий по городу. Весь городъ обошелъ; нѣтъ ему по душѣ невѣсты. Дошелъ до неражинкой избушки. И видитъ, идетъ съ ведромъ по воду, и такая красавица, что лучше и желать не надо.

Эта дѣвица бѣдной вдовы была, Луша.

Онъ за ней слѣдомъ. Она въ неражинкую избушку, и онъ за ней.

Мать была дома.

— Бабушка, я пришелъ вашу дочку сватать.

— Что ты, Василий? Гдѣ же нашей дочкѣ за вами быть! У насъ нѣтъ ничего, а вы такой богатый.

— Ну, бабушка, что толковать. Полюбилась мнѣ ваша дочка.

Помолились Богу и по рукамъ.

Вотъ старуха изъ избы вышла куда-то, а онъ опять и къ Лушѣ, какъ къ тѣмъ своимъ невѣстамъ.

— Ты,—говорить,—все равно, что моя теперь!

И все, что тѣмъ.

А она и слышать не хочетъ.

— Какъ хотите, возьмете или не возьмете, а пока не повѣнчаемся, того не будетъ.

И какъ онъ ни уговаривалъ, никакъ не могъ уговорить. Вернулся Василий домой.

— Вотъ, тятенька, я сегодня высваталъ себѣ невѣсту. Нашелъ! Будетъ она и дому хозяйка и мужу вѣрная жена. Благословили отецъ и мать. И поженились Василий и Луша.

Живетъ Василій со своей Лушей въ любви и согласіи. Живутъ и лелѣютъ. И никогда одинъ безъ другого нигде не поидетъ. И никогда бы не разстались другъ съ другомъ. А пришлось.

Поѣхалъ Василій въ инныя земли съ товаромъ на корабляхъ. Распростился съ женой и поѣхалъ. И такъ хорошо торговалъ, расторговалъ всѣ товары.

А давалъ король пиръ и созвалъ на пиръ купцовъ и своихъ и пріѣзжихъ. Пили, гуляли. Разгулялись и ну хвастать: кто богатствомъ, кто мастерствомъ. Только Василій сидитъ, помалкиваетъ.

— А ты что, купецъ, ничѣмъ не хвастаешь?

— Да чѣмъ же мнѣ хвастать? А похвастаюсь я моей вѣрной женой. У меня жена Луша, ничѣмъ не возьмешь!

Этакій ловкенькій тутъ и вызвался:

— Неправда! Я докажу.

Гости слышали и слова его утвердили и подписали.

— Если ты правъ,—сказалъ король Василію,—вѣрна твоя жена, большая награда тебѣ будетъ, а если не выйдетъ по твоему, голову долой!

А тотъ ловкенькій прямо съ пира да на корабль.

Пріѣзжаетъ онъ въ городъ и прямо въ Васильевъ домъ. И давай склонять Лушу. И деньги ей сулить большія и проходу ей не даетъ, мѣста никакого. И ничѣмъ отъ него не отвяжешься.

И говоритъ ему Луша:

— Ужъ я спрошу, и какъ скажутъ люди, такъ и сдѣлаю.

И рассказала свекору.

— Что, батюшка, посовѣтуешь?

— Что же! Не замѣтка у мужа положена. Что же, можно.

— Нѣтъ, вы не ладно судите!—и пошла къ свекрови.

Разсказала свекрови.

— Ежели склоняетъ,—сказала свекровь,—такъ не замѣтка у мужа кладена. Можно.

Пошла къ попу. Все ему рассказала.

— Не нарушай закона,—сказалъ ей батюшка,—деньги, что онъ сулитъ, это все прахъ, а твою вѣрность, ее ничѣмъ не выведешь и не купишь.

Вернулась домой, а тотъ ужъ ждетъ.

— Ну, что сказали?

Она ему свое, а онъ свое.

Ночь подходить, скрыться некуда. Такъ и пристааетъ. И ничѣмъ отъ него отговориться. Терпѣла, терпѣла, не вмоготу стало.

— Дожидайте ночи, я приду!—и велѣла ему итти въ свою спальню.

Онъ—въ спальню, а она—на кухню къ Уляшѣ. Любила ее Уляша, какъ сестру родную, служила ей вѣрно.

Со слезами стала Луша уговаривать Уляшу:

— Одѣнься въ мое платье, сходи къ нему!

Не хотѣла Уляша итти на такое: тихая была, какъ монашка, глазъ не подыметъ. А согласилась: очень любила Лушу.

И нарядѣла ее Луша въ свое платье: все сняла съ себя и на нее надѣла, дала свой именной перстень.

И пошла Уляша вмѣсто Луши.

А тотъ къ ней, и слова не сказалъ, нащупалъ только кольцо и давай снимать. А кольцо было туго. Бился онъ, бился, взялъ съ пальцемъ и отрѣзалъ, да въ карманъ себѣ. И еще схватилъ платокъ именной, на столикѣ лежалъ. И больше ничего. Скорѣй въ отправку. И слѣдъ простылъ.

Вернулась Уляша на кухню,—только палецъ отрѣзанъ.

— Что же это значить?—ничего не могла понять Луша,—такъ долго приставалъ и только отрѣзалъ палецъ!

На утро рассказала она свекру.

— Это не иначе,—сказалъ старикъ,—какъ сынъ нашъ въ погибели. Не надо медлить, а ѣхать намъ къ нему. Должно, поспорено тамъ чего-нибудь.

И въ тотъ же день собрались и поѣхали: свекоръ-старикъ, Луша да Уляша безпалая.

А тотъ ловкенькій, какъ пріѣхалъ домой, такъ прямо къ королю.

Собралъ король купцовъ, пригласилъ Василия.

— Ну, говорилъ ты, что никому твоей жены не склонить, а я вотъ докажу!—и показываетъ перстень именной и платокъ.

Всѣ повѣрили.

Василій повѣрилъ.

И приписали его къ смерти: завтра на плаху.

А къ ночи прибылъ въ ту землю—въ тотъ самый королевскій городъ, гдѣ торговалъ Василій, старикъ-отецъ и съ нимъ Луша и Уляша, и остановились они на ночлегъ у одного-то тамошняго человѣка.

— Что у васъ, дяденька, въ городѣ дѣется?—спросилъ старикъ.

— А завтрашній день русскій купецъ приписанъ къ смерти. Надо итти смотрѣть. Похвалился своей женой, что никому не склонить ее, а одинъ ловкачъ вызвался и доказалъ: принесъ королю именной перстень и платокъ. Завтра и будутъ вѣшать купца.

— А намъ, дяденька, можно сходить посмотрѣть?

— Какъ же не можно, коли по городу отданы объявки: всѣ должны итти смотрѣть.

Ночь тамъ не долго спалось. Рано утромъ пошли они въ собраніе. Оставилъ старикъ Лушу съ Уляшей въ прихожей, а самъ вошелъ въ комнаты. И видитъ, сидитъ сынъ весь-то чернѣхонкій, черенъ отъ горя—сейчасъ смерть ему.

— Что у васъ за собраніе?—спросилъ старикъ.

— Да вотъ,—говорять,—купца надо вѣшать. Похвастался своей женой, что никто не склонить ее, а одинъ и склонилъ.

— Гдѣ тотъ человѣкъ? Покажите-ка мнѣ его сюда!

— Трецовъ!—кричатъ,—Трецовъ, выходи!

— Пожалуйста,—просить старикъ,—приведите и тѣхъ изъ прихожей.

Привели Лушу и Уляшу. Явился Трещовъ.

И разсказаль старикъ все, какъ было: какъ нарядила Луша въ свое платье Уляшу и какъ Трещовъ палець у Уляши отрѣзалъ.

Уляша показала руку—пальца нѣтъ, отрѣзанъ.

Вывернули карманъ у Трещова, гдѣ было кольцо положено,—карманъ въ крови.

И повеселѣлъ Василій.

И всѣ повеселѣли.

И освободили его, прощенья просятъ.

А Трещова—на висѣлицу. Ужъ петлю накинули.

— Стойте!—остановилъ Василій: простилъ Трещова,—довольно и того человѣку, что на шею ему петлю накинули!

И отпустили Трещова.

А Василій получилъ отъ короля большую награду и сейчасъ же въ дорогу.

И дорогой, пока доѣхали до дому, много онъ спасибовъ сказалъ женѣ. А дома наградилъ Уляшу и навсегда ее оставилъ при домѣ жить. И стали они жить да поживать.

УМНИЦА.

Деревня была большая, дѣвокъ много, а на бесѣду не пускають. Безъ бесѣды молодому-то со стариками, что могла. Взяли дѣвки да сами и выстроили избу у озера—свою, чистую просторную.

Ходятъ вечеръ, ходятъ другой, ходятъ третій.

И сначала-то будто и лучше, чѣмъ дома въ одиночку, а потомъ показалось скучно: парней нѣтъ,—не то не знаютъ, не то не хотятъ, ну, хоть бы какой зашелъ.

Вотъ и сидятъ вечеромъ дѣвки однѣ и пѣсенъ не слышно.

— Хоть бы изъ озера кто пришелъ!—толкують тихонько. Скучно. Отъ скуки и не такое затолкуешь.

— А пускай изъ озера, все равно!—крикнула Орина: люта дѣвка, страсть.

И оживилась изба: изъ озера, такъ изъ озера, только бы гости.

А ужъ стучать.

Отворили дверь—парни. И такіе все нарядные, при часахъ и въ калошахъ. И сейчасъ за гармонью—завели игру.

И такъ стало весело, ну, въ жизнь никогда такъ не было весело.

А была у Орины съ собою на бесѣдѣ сестренка Улька. Сидѣла Улька на печкѣ, носикомъ такъ сторожила, и, видно, замѣтила что-то.

— Нянька,—кличетъ,—иди сюда-то!

— Что тебѣ?

— А посмотри-ка, нянька, глаза-то какіе?

Тутъ Орину ровно холодомъ обдало: глаза-то у парней и вправду непростые, черезъ все лицо глазищи—и такъ и горять, а зубы—желѣзо.

— Какъ бы уйти намъ!—растерялась дѣвка.

— Я запрошусь, ты выведи меня, такъ и уйдемъ,—шепчетъ Улька.

Этакая, вѣдь, умница, догадалась!

Отошла Орина отъ печки—страшно!—а парни такъ за ней, такъ за ней кольцомъ и кружатъ, въ самую середку загнали: изъ всѣхъ, вѣдь, любѣй имъ Орина!

Тутъ слышно, Улька запросилась.

Ну, Орина сейчасъ же къ дѣвченкѣ, сняла ее съ печи. А парни-то загородили дорогу, не пускаютъ.

— Да что вы, отпустите! Прищипите мнѣ хоть сарафанъ дверью, никуда я не уйду!—ужъ на голосъ кричитъ Орина: страшно.

Согласились, выпустили, да не очень-то вѣрятъ: прищипили ей подолъ въ дверяхъ: ну-ка, уйди, попробуй.

А она лямки съ плечъ, Ульку на плечи, да бѣжать.

Бѣжала, бѣжала, добѣжала до бани. И чувствуетъ Орина, гонится одинъ за ней, вотъ-вотъ настигнетъ. Она въ баню. Стала, взмолилась къ баннику:

— Оборони отъ смерти!

Да съ Улькой на полкъ скокнула.

А изъ-подъ полка ровно шмыгнулъ кто, ухнулъ, да въ дверь.

И такое поднялось тамъ, не дай Богъ,—драка: банникъ-то съ парнемъ. И дрались они, пока пѣвунъ не запѣлъ.

И все затихло.

Только свирчекъ.

— Нянька,—шепчетъ Улька,—пойдемъ домой!

И вышли онѣ изъ бани. Свѣтатъ стало, пришли домой.

А поутру хватились по деревнѣ дѣвокъ, никого дома нѣтъ. Собрались всѣмъ народомъ и къ озеру къ бесѣдной избѣ.

А тамъ,—тамъ только по полу кости да косы—больше нѣтъ никого.

ЛѢШАЯ.

1.

Ефимъ ходилъ шить. Шитья не можетъ найти. И такая досада взяла, да и не ѣвши тоже.

— Мнѣ бы хотъ къ лѣшему!—махнулъ рукой.

И вдругъ старикъ навстрѣчу и прямо на него, прищурился:

— Ты куда?

— А вотъ шитья ищу.

— А пойдѣмъ ко мнѣ. Есть одѣяло, пошить надо.

Обрадовался Ефимъ: нашлось-таки дѣло!

И пошли дорожкой: впереди старикъ, за нимъ Ефимъ. Своротили въ сторону по тропкѣ—темно—и вышли на поляну.

А тамъ домъ—сколько Ефимъ по лѣсу ходилъ, мѣста знаетъ, а про такое не слыхивалъ—большинскій.

И ведетъ его старикъ въ этотъ самый домъ. Встрѣчаетъ старуха: старая, одинъ только зубъ. Осмотрѣлся Ефимъ—богато живутъ!—а старика ужъ нѣтъ, старуха одна.

— Для чего,—говорить,—ты пришелъ?

— Шить. Меня хозяинъ шить позвалъ.

— Чего шить?—сердится.

— Одѣяло.

— Получше шей,—говорить,—чтобы понравилось. Вашего брата швецовъ сколько перебивало, все не нравятся. Только разстраиваете!—ой, сердитая.

И повела его старуха черезъ весь домъ переходами на другой конецъ въ пустую горницу.

Принесётъ хозяинъ сколько овчинъ, ты всё и клади обрѣзковъ не дѣлай, да лапчочковъ-то не отрѣзай!

Засвѣтила огонекъ въ горницѣ, постояла, посмотрѣла.

— Горе одно съ вамп!—покачала головой на Ефима и пошла, ровно и не сердитая.

Остался Ефимъ одинъ—пустая горница, жутко—ужь дыхнуть боятся, самъ не знаетъ, что и будетъ, одно знаетъ, бѣда.

2.

Утромъ принесъ старикъ овчинъ цѣльную ношу, сложилъ овчины въ углу, а самъ ушелъ.

И взялся Ефимъ одѣяло шить: расклатъ овчины по полу, такъ и старается, и нигдѣ никакихъ обрѣзковъ не сдѣлалъ, лапчочковъ не тронулъ. За день поспѣло одѣяло.

Вечеромъ приходитъ старикъ: готово. Посмотрѣлъ, потрогалъ—понравилось.

— Вотъ что, Ефимъ, сшей-ка ты мнѣ еще тулупчикъ.

Доволенъ старикъ.

— Мнѣ бы изразокъ,—попросилъ Ефимъ,—чтобы въ акурать было.

— Завтра,—сказалъ старикъ,—теперь погуляй!—и пошелъ.

А какъ погуляешь,—дверь на заперѣ.

Ефимъ и постучалъ. Отворяетъ старуха, тоже довольна, хвалить.

— Понравилось! Молодецъ!

И повела его, вывела во дворикъ. Походилъ Ефимъ по дворику, повздыхалъ и опять назадъ въ горницу.

На утро принесъ старикъ на образецъ тулупчикъ и кусокъ сукна.

Вымѣрилъ его Ефимъ, каждое мѣсто, и къ вечеру сшилъ точно такой же.

И опять хозяинъ доволенъ.

— Сшей мнѣ еще рукавицы да шапку.

И такъ всякій день еще и еще.

Ужъ терпѣнья больше нѣтъ, извелся Ефимъ, а все шьетъ. И годъ и другой и сколько такъ мучился.

И только что старуха Лѣшачиха, выведетъ его Уставовна по двору погулять.

— Смотри, Ефимъ,—учить старая,—станетъ тебя хозяинъ расчитывать, спросить, много ль за работу надо, а ты не проси ничего, скажи: „Самъ, молъ, знаешь сколько, не изобидь“.

Кончилъ Ефимъ шитье, сидитъ въ своей пустой горницѣ, одну свою думу думаетъ. Входитъ хозяинъ.

— Ну, Ефимъ, много ль тебѣ за работу?

А Ефимъ ему, какъ Лѣшачиха-то учила, такъ и отвѣтилъ: сами, молъ, знаете, постарше меня.

— Клади,—говорить,—безобидно чтобъ было.

Понравилось старику, вышелъ онъ изъ горницы и скоро назадъ и не одинъ, а ведетъ дѣвицу,—ну, просто бѣ глядѣлъ все время, вотъ какая!

— Дамъ,—говорить,—я тебѣ, Ефимъ, въ приданое за ней тройку п карету. И одежду тебѣ дамъ подъ вѣнецъ. Еще сто рублей деньгами.

Ефимъ ужъ и сказать ничего не можетъ, только кланяется.

— А еще привяжу колоколецъ къ дугѣ, сбрую на коней серебряную. А пойдешь къ вѣнцу, станутъ у тебя коней отнимать, а ты скажи, запомни: „Кабы гдѣ я шилъ, тотъ на это время былъ!“ И все будетъ.

Простился Ефимъ съ хозяиномъ, поклонился Лѣшачихѣ.

— Спасибо тебѣ, Уставовна, безъ тебя пропасть мнѣ!

Да сѣлъ на тройку съ дѣвицей. Залились колокольцы, несутъ кони, сами на дорогу вывели.

3.

Пріѣзжаетъ Ефимъ домой, стучитъ въ ворота.

Старикъ отецъ отворяетъ.

— Господи, не клали и живымъ!—плачетъ: радъ-то очень.

— Какъ! Не живъ? Я невѣсту привезъ.

Ну, долго не мѣшкали, на другой же день и за свадьбу.

Покатилъ Ефимъ на тройкѣ въ церковь. Стали вѣнчать.

А народъ обступилъ тройку: кто на карету, кто на колокольцы, кто на сбрую, кто на коней—всякому въ диво.

— Стой,—говорять,—кони-то Ершовскіе, старосты.
Да къ старостѣ.

— Твои кони нашлись!

Пришелъ староста: кони точно его.

Кончилось вѣнчанье, вышелъ Ефимъ съ женою домоѣ
ѣхать, а садиться-то въ карету имъ не даютъ.

— Гдѣ,—говорять,—ты коней взялъ? Ты ихъ укралъ?

Ефимъ клянется: свои. А тѣ свое: укралъ.

„Эхъ, кабы гдѣ я шилъ, тотъ на это время былъ!“—
вспомнилъ Ефимъ.

А хозяинъ-то и смотритъ на него, Лѣшій, съ народомъ
стоитъ, откуда ни взялся.

— Что у тебя, Ефимушка?

— Коней отнимають.

Старикъ къ старостѣ:

— Ты какъ,—говорить,—призналъ коней-то?

— Призналъ.

— А карету призналъ?

— Призналъ.

— А дочку-то? Аль не признаешь?

— Нѣтъ, говорить,—была у меня, да давно ужъ: грѣхъ
вышелъ, изъ люльки потерялась.

— Да это она и есть! Двадцать лѣтъ хранилъ я ее.
Вотъ тебѣ зять, принимай его съ дочерью. Зови жъ ихъ,
въ гости веди. И все ему отдай: хорошій парень, работникъ!

И пропалъ. Туда-сюда, нѣтъ старика.

Тутъ староста Ефима за руку и дочь свою и повелъ къ
себѣ, и надѣлилъ Ефима—спасибо, что дочку вывелъ!

НЕСЧАСТНАЯ.

1.

Жиль-быль мужъ съ женой. Оба молодые. Жили они хорошо, ладно. И родился у нихъ Петюнька.

А проходила по тѣмъ мѣстамъ колдовка, приглянулся ей мужъ, ну, долго такой думать не надо, оборотила она жену рысью—убѣжала рысь—а сама на ея мѣсто и стала жить въ домѣ хозяйкой.

Съ чужимъ дитемъ колдовкѣ ни любви, ни охоты, наняла она няньку. Нянька съ Петюнькой и возилась. Днемъ ничего, а по ночамъ горе—кричить ночь Петюнька, ничѣмъ его не утѣшишь. Жили они, какъ въ темницѣ.

Добрая была нянька Матвѣевна, жаль ей сиротинку. Пошла разъ колдовка по гостямъ, Матвѣевна и просится у хозяина.

— Отпусти,—говорить,—насъ въ чисто поле погулять съ Петюнькой.

А онъ при колдовкѣ-то лютъ, на все сердце, а безъ нея прежній.

— Ну, что-жъ, идите съ Богомъ!

Пошла Матвѣевна въ поле, сѣла съ Петюнькой на межицу,—вольный воздухъ, чистое поле! И такъ горько старухъ: гдѣ-то мать, гдѣ несчастная рыщетъ?

Бѣгутъ полемъ рыси.

Матвѣевна—стойте!

— Рыси вы, рыси, сѣрыя рыси, не видали ли вы младенца мать?

— Видѣли, видѣли,—говорять рыси,—во второмъ стадѣ бѣжитъ, горы молокомъ обливаешь, лѣса волосами оплетаетъ.

И дальше побѣжали.

Бѣжитъ и другое стадо.

Тутъ и Петюнькина мать. Узнала, обрадовалась, одну шкурку съ себя скинула и другую скинула, взяла Петюньку себѣ на руки. Кормить и плачетъ—вѣкъ бы не разставалась!

Пришло время, и опять шкурки на себя надѣла, опять стала рысью и прощайте.

А Матвѣвна съ Петюнькой домой.

И всю ночь проспалъ Петюнька, ни разу и не всплакнулъ за ночь.

2.

На утро хозяинъ ужъ самъ посылаетъ няньку.

— Подьте,—говорить,—въ чистое поле, погуляйте!

И пошла Матвѣвна въ поле, сѣла съ Петюнькой на межицу—вольный воздухъ, чистое поле!

Бѣгутъ полевъ рыси.

— Рыси вы, рыси, сѣрыя рыси, не видали ли младенца матеръ?

— Видѣли, видѣли,—говорять рыси,—въ третьемъ стадѣ бѣжитъ, горы молокомъ обливаешь, лѣса волосами оплетаетъ.

И пробѣжали.

И другое стадо пробѣжало.

Бѣжитъ третье стадо.

Тутъ и Петюнькина мать. Обрадовалась, да скорѣе съ себя шкурки, взяла Петюньку себѣ на руки. Кормить и плачетъ—придетъ срокъ и опять побѣжитъ она рысью!

А хозяину что-то скучно дома.

— Дай,—говорить,—пройду въ чистое поле.

И вышелъ и видитъ: въ полѣ на межицѣ кормить Петюньку, а за кустомъ и рыси шкурки висятъ, узналъ Наташу. И такъ ему ее жалко. Подкрался онъ потихоньку, снялъ съ куста шкурки, обложилъ сухимъ листомъ да и зажегъ.

А она почуяла.

— Что-то, — говоритъ, — Матвѣвна, смородомъ больно пахнетъ.

— А дома, видно, колдовка, перемѣну мужу жарить!— заплакала Матвѣвна: жаль ей сиротинку, еще жальче матери несчастной.

Пришло время, хватилась шкурокъ, а шкурокъ-то нѣтъ нигдѣ, и не во что ей одѣться.

Тутъ онъ и вышелъ.

Взялъ ее за руку.

— Пойдемъ домой, Наташа!

И повелъ ее въ домъ.

А ужъ колдовки и слѣдъ простылъ.

БЕЗСТРАШНАЯ.

Во всякой банѣ живеть свой банникъ. Не поладишь,—кричить по-павлиньи. У банника есть дѣти—банные анчутки: сами маленькіе, черненькіе, мохнатенькіе, ноги ежиныя, а голова гола, что у татарченка, а женятся они на кикиморахъ, и такіе же сами проказы, что твои кикиморы.

Душа, дѣвка безстрашная, пошла ночью въ баню.

— Я,—говорить,—въ банѣ за ночь рубашку сошью и назадъ ворочусь.

Въ банѣ поставила она углей корчагу, а то шить ей не видно. Наскоро сметываетъ рубашку, отъ огоньковъ ей видно.

Къ полночи близко анчутки и вышли.

Смотрить, а они мохнатенькіе, черненькіе у корчаги уголья, у!—раздуваютъ.

И бѣгаютъ и бѣгаютъ.

А Душа шьетъ себѣ, ничего не боится.

Побойшья! Бѣгали, бѣгали, кругомъ обступили, да гвоздики ей въ подолъ и ну вколачивать.

Гвоздикъ вколотить:

— Такъ. Не уйдешь!

Другой вколотить:

— Такъ. Не уйдешь!

— Наша,—шепчуть ей,—Душа, наша, не уйдешь!

И видитъ Душа, что и вправду не уйти, не стать ей теперь, весь подолъ къ полу прибить, да догадлива дѣвка, начала съ себя помаленьку рубаху спускать съ сарафа-

номъ. А какъ спустила всю, да вонъ изъ бани съ шитой рубахой и ужъ тутъ у порога такъ въ снѣгъ и грохнулась.

Что говорить, любятъ анчутки проказить, а ужъ надъ дѣвкой подыграть имъ всегда любо.

Выдавали Душу замужъ. Истопили на дѣвишникъ баню и пошли дѣвки съ невестой мыться, а анчутки—имъ своя забота,—они тутъ-какъ-тутъ, и ну бѣсить дѣвокъ.

Дѣвки-то изъ бани-то нагишемъ въ садъ и высыпали на дорогу и давай бѣситься: которая пляшетъ, да поетъ что есть голосу не-вѣсть что, которыя другъ на дружкѣ верхомъ ѣздить, и визжать и хоркаютъ по меренячи.

Едва смирили. Пришлось отпаивать парнымъ молокомъ съ медомъ. Думали, что дѣвки бѣлены обѣлись, смотрѣли,—нигдѣ не нашли. А это они, это анчутки ягатые, нащекотали усы дѣвкамъ!

Дурная молва пошла, перестали баню топить.

Приѣхалъ на ярмарку кумъ Бубловъ печникъ, сорви-голова, куда сама Душа! Вздумалъ съ дороги попариться, его стращаютъ, а ему чего—Бубловъ!—и пошелъ въ баню.

Поддалъ, помоталъ вѣникъ въ пару, хватъ—съ вѣника дождикъ льетъ, взглянулъ, а онъ въ сосулькахъ. Какъ бросить вѣникъ, да съ полка хмыль изъ бани, прибѣжалъ въ горницу.

— Ну, говорить,—теперь вѣрю, что у васъ за баня.

— Это тебѣ, кумъ, попритчилось, видно!—смѣются.

Ну, при честномъ народѣ разсуживаться нагишемъ не очень годится, сходили въ баню за Бубловой рубахой и штанами, принесли узелокъ. Развернули, а онъ всѣ-то въ лепетки изорваны. Такъ всѣ и ахнули.

Вотъ, они какіе, анчутки банные.

А малымъ ребятамъ они ничего не дѣлаютъ, и днемъ при нихъ не скрываются, по своимъ дѣламъ ходятъ, какъ при своихъ, черненькіе такіе, мохнатенькіе, ноги ежидныя, а голова гола, что у татарченка.

ОБИЖЕННАЯ.

Дѣвки устроили съ парнями вечеринку. И началось не-ладомъ: однѣ дѣвки своихъ парней больше пригласили, что любви имъ были, а тѣхъ не пригласили, которые другимъ были любви, ну, и разожглись другъ на друга. И хотъ съ виду и помирились, и пошло, какъ ни въ чемъ, веселье—плясъ и смѣшки, и хихиньки, да въ сердцѣ-то затаили.

Однѣ дѣвки своимъ парнямъ пѣсни поютъ, другія—своимъ, парни пьютъ да дѣвокъ потчуютъ. А какъ под-пили, ужъ все перемѣшалось, только стонъ стоитъ. И чего-чего не вытворяли, на какія выдумки не пускались, а все будто мало.

Тутъ сердце-то и заговорило: одна обиженная дѣвка и пришепни счастливой, а той—море по-колѣно. Подговорила та свою подругу, одѣлись, да тихонько изъ избы и вышли. И—вѣдь что придумать!—на кладбище пошли дѣвки, вы-нули тамъ двухъ мертвецовъ изъ общей могилы, завернули мертвецовъ въ рогожи, да на своихъ косахъ и приволокли въ избу, да за печку ихъ и поставили.

А сидѣла на печкѣ дѣвченка Машутка и все видѣла,—испугалась дѣвченка мертвецовъ,-то, молчить, прижалась въ уголокъ, сердешная.

Дѣвки вошли въ горницу, посмѣиваются, а никому и не въ догадъ, что тамъ за печкой, какіе такіе гости пожаловали.

Ужъ стали мертвецы пошевеливаться.

— Что, братъ, разогрѣваешься?

— Разогрѣваюсь, братъ.

— И я, братъ, разогрѣваюсь.

Машутка-то на печкѣ не пикнетъ, а вся изба, ей горя нѣтъ, пляшетъ, ой, весело!

Въ самую полночь дѣвка обиженная, что на такое дѣло надоумила, и говорить подругамъ счастливымъ:

— Спойте вашимъ молодцамъ пѣсенку, да повеселѣй, плясовую!—сама подмигиваетъ: понимай, какимъ молодцамъ запечнымъ!

Дѣвки и запѣли пѣсню веселую. И проняла до сердца мертвецовъ пѣсня: мертвецы вдругъ стали огненные, какъ головни горящія, языки высунули, изо рта пламя пошло, жупель, а сзади вытянулись, помахиваютъ хвосты собачьи. — Какъ ихъ въ пѣснѣ-то стали величать, какъ они изъ-за печки-то выскочатъ, да въ горницу, и давай плясать по-своему и кривляться, и ломаться, и кувыркаться, да дѣвокъ и парней лягать, пламенемъ, жупеломъ палить, да за бороду да за косы рвать.

Куда тебѣ и хмель вонъ, ноги подкосились: кто гдѣ стоялъ, такъ тутъ ничкомъ и грохнулся.

А мертвецы, знай, пляшутъ, не могутъ стать—дали имъ волю, и рады бы, не могутъ, пляшутъ—половицы вонъ изъ полу летятъ, посуда прыгаетъ, все вдребезги, все въ черепки.

До пѣтуховъ мертвецы плясали и, какъ запѣлъ пѣтухъ, такъ сквозь землю и провалились, инда земля застонала.

По утру пришелъ народъ, смотрятъ—кто безъ головы, кто безъ руки, кто безъ ноги, кто безъ бороды, кто безъ косы, и всѣ мертвы, а посреди избы—урвина, сама бездонная, дна не достать.

А Машутку сняли съ печки, едва откачали дѣвченку: и! напугалась-тю какъ, сердешная! Машутка про все и рассказала.

ШАВАЯ.

Шли двѣ богомолки къ святымъ мѣстамъ помолиться, пристала къ нимъ третья,—баба какъ баба, а голосъ мужичій, все словно съ дубу рветъ, и ни разу въ дорогѣ не перекрестилась.

Шли, шли, стали къ монастырю подходить, а эта самая ихъ товарка, Богъ ее знаетъ, отстала. Оглянулись богомолки, что больно долго, а та себѣ въ землю грязнетъ: что ни ступить, то больше уходитъ, и ушла по поясъ.

Богомолки со страха пятиться,—пятились, пятились, да задомъ и побѣжали, добѣжали до монастыря, схватили монаха, да съ монахомъ назадъ.

— Кайся, окаянная, что ты сдѣлала!

А та себѣ грязнетъ, едва языкомъ воротить.

— ... и мѣсяцъ не разъ скрадывала, и людей портила!—и больше языкъ ужъ не повернулся.

— Будь ты отнынѣ и до вѣку анафема проклята!—какъ крикнуть, она и пошла сквозь землю, да съ гуломъ, да съ шумомъ!

И на томъ самомъ мѣстѣ голъ-камень оказался, проклятое мѣсто.

СЕРДИТАЯ.

1.

Это было въ давнишнія времена, когда еще господа надъ подданными своими мудровали, а подданные рабы господъ своихъ слушали.

Жила-была барыня Закутина и до того сердитая, ничѣмъ не угодишь. Придетъ по утру староста спросить чего, нарядъ какой дать,—и безъ того, чтобы не отхвостнуть человѣка, ни по чемъ не отпустить. То староста, а ужъ простому и совсѣмъ житья не было—драла, какъ собакъ.

И ничего народъ придумать не могъ, какъ изъ бѣды выйти,—ну, хоть бы отдыхъ какой положенъ былъ, ну, праздникъ, все едино: лупь, крикъ и дѣрка, хоть пропадай.

Какъ скотъ самый изнавозный, такъ и жили.

Проходилъ солдатъ домой на побывку, заночевалъ въ деревнѣ. Съ вольнымъ человѣкомъ и отвели душу,—все ему рассказали про свое житье-бытье подъ барыней.

— Эко горе!—говорить солдатъ,—да я вамъ ее такъ размягчу, что твой пухъ станетъ.

— Сдѣлай милость.

— А не найдется ли у васъ мужика какого самаго разсердитаго.

— Есть, есть, какъ же! Сапожникъ Федосей.

— А баба-то его какъ?

— Анисья. Хорошая баба.

— Очень лютъ?

— Не дай Богъ.

— Ну, ладно, только, братцы, уговоръ: что скажу, то и дѣлай, согласны?

— Согласны.

Послалъ солдатъ въ усадьбу отыскать вѣрнаго человѣка. И явился такой,—лакей закутинскій. Солдатъ ему сонныхъ капель: какъ барыня на ночь будетъ чай пить, чтобы этихъ самыхъ капель барынѣ въ чай и подпустилъ, а какъ заснетъ барыня, сейчасъ же ее въ коляску и везти, не будя, на деревню къ сапожнику. А къ сапожнику отрядилъ солдатъ другого человѣка съ каплями для Анисьи.

И какъ ночь пришла, барыню Закутину съ Анисьей и обмѣняли: Анисью въ усадьбу на барынину кровать, а барыню къ Ѳедосею подъ бокъ.

2.

По утру проснулась Анисья. Видитъ, чистота кругомъ, просторъ, думала, на тотъ свѣтъ попала. Плохо ей было въ той жизни съ Ѳедосеемъ,—ой, мужикъ, страсть, весь, какъ въ барыню!—и такая вдругъ тишина, За терпѣніе, видно, послалъ ей Богъ перемѣну.

И пока она нѣжилась да Бога благодарила, вошли служанки: умываться.

И полотенце несутъ.

„Господи, до чего дослужила!“ — удивлялась всему Анисья.

А умылась, самоваръ подаютъ.

„Откуда берется!“

Сѣла чай пить. Староста на цыпочкахъ входитъ, кланяется.

— Я, барыня, къ вамъ пришелъ спросить, какой нарядъ дадите, что работать?

А Анисья и не знаетъ, что отвѣчать-то.

— Что вчера дѣлали, то и сегодня дѣлайте! — да сама стала, поклонилась старостѣ.

Пошелъ староста.

„Вотъ такъ барыня!“

А какъ барыня настоящая пробудилась у сапожника, кричить:

— Дармофды!

Өедосей сидить шьетъ, да какъ вскочить со стула, сдержнулъ съ ноги ремень.

— Нешто не знаешь своей должности, несчастная. Тони печь!

Барыня-то ушамъ не вѣрить, думаетъ, попала въ адъ. И все это свое вспомнила, да поздно, и живо съ кровати да за дровами, принесла дровъ, затопила печь.

„Господи, вотъ чего заслужила-то“!

3.

Съ мѣсяцъ такъ провели время. Анисья жила, какъ въ царствѣ небесномъ, Бога благодарила, а барыня Закутина у Өедосея, какъ въ пеклѣ, въ работѣ и попрекахъ. Ну, что-жъ, видитъ солдатъ, прокъ есть. Созвалъ собраніе.

— Что, братцы, не пора ли обмѣнить?

— Пора.

И опять велѣлъ солдатъ сонныхъ капель обѣимъ съ чаемъ дать, и, какъ заснуть, перенести.

Такъ все и сдѣлали.

И попала Анисья на старое мѣсто къ Өедосею, а барыня къ себѣ въ усадьбу.

И съ той поры сдѣлалась барыня мягкая-размягкая: не то, что драться, а и крикнуть боялась. А Анисья съ сапожникомъ вѣкъ доживала — судьба такая: въ ея долѣ и солдатъ не поможетъ.

НЕЛЮБАЯ.

1.

Выйдетъ Сошка на дворъ—одна, ни души,—и ударить ей по сердцу.

Съ мужемъ неудовольствіе было все: наговорятъ старики на неvěстку, не люба она имъ, въ домъ пускать къ себѣ не хотѣли, нагородятъ неvěсть что, ну, и онъ къ ней спиной.

Вспомнить Сошка обиду.

— Все равно пропадать — повѣшусь! Или ножомъ полоснуть?

А потомъ жалко станеть, раздумается.

— Можетъ, и ничего, поправится.

А тутъ во дворѣ-то, Дуняшка-кобыла, Жучка, Маруська—станеть мило, погладить коровъ. Погладить, поплачетъ. Поплачетъ—отойдетъ слезами. И въ домъ.

А какая Сошка желанная, какая умница, — цѣны ей нѣтъ.

И за что это старикъ-то со старухой? Въ чемъ провинилась? Чѣмъ недовольны?—клевещать и клеветать. А и Сергѣй хорошъ! Всему вѣрить.

Котъ трется къ Сошкѣ, курлычетъ: отъ него, кота, Сошка только и видитъ ласку.

— Ой, Василій, одинъ ты другъ, колобунъ усатый!—погладить кота да за работу.

А какая Сошка работница, какая умница, — цѣны ей нѣтъ!

Приѣхали изъ гостей въ чистый понедѣльникъ—отъ отца, отъ матери Сошки.

Вечеромъ старика на сходъ кликнули, а старуха не долго вышла на бесѣду.

Сошка сидитъ у огонька, прядетъ.

Послѣ родимой Головки, дома родного, ой, какъ постыло!

Старуха вернулась и сама сѣла прядь.

Ой, какъ постыло, нелюбой! А на сердцѣ—ни словъ, ни слезъ.

Подняла глаза Сошка—старуха прядетъ, мужъ спитъ,—у, постылыя стѣны! И ударило по сердцу:

— Все равно!

Сошка засвѣтила огонька да въ сѣни... Отыскала веревку мочальную простую, наладила петлю, перекинула веревку черезъ переметъ,—петлю на шею. Приладилась. Захватила руками за веревку...

Вдругъ слышитъ старуха, невѣстка какъ блюетъ.

— Видно, пива напилась!

И опять слышитъ: что-то неладно. Стала старуха, засвѣтила огонька, съ огонькомъ въ сѣни.

А мужъ дрыхнетъ, ничего-то не чувствуетъ: это съ блина такъ ему спится сладко,—хороши были блины въ Головки!

— Ой, батюшки! Господи поми-лу-уй!

Старуха назадъ въ избу, тычется отъ страха, да къ сыну.

Сергѣй догадался: неладно,—выскочилъ въ сѣни.

А тамъ Сошка.

— Охъ, шельма, что дѣлаешь!

Стоитъ Сошка подъ переметомъ, петля на шеѣ. Еще туже захватила за веревку,—Сергѣй и рукъ ей разжать не можетъ.

— Шельма!

Что дѣлать? Скорѣе за переметъ, жердь снялъ,—тутъ она веревку и отпустила.

И пала она помаленьку на-земь, нелюбая, нелюбыми глазами къ сырой землѣ: ей все равно.

Сергѣй ее за подпазушку и потащилъ въ избу.

Старуха-то этакой бѣды отъ роду не слыхала: нынѣшній народъ что дѣлаетъ.

— Ой, батюшки! Господи, помилуй!

Притащилъ Сергѣй чанъ съ водой, самъ побѣжалъ на сходъ за старикомъ.

Осталась одна старуха: зачерпнетъ кружку, приладится ленуть на Сошку, а та—той все равно—кружку-то рукой и оттолкнетъ къ дверямъ.

— Да, что ты, дура, проливаешь воду-то?

Не понять старухѣ. Подыметъ она съ полу кружку, зачерпнетъ и только-что приноровится, а та опять—той все равно.

Билась, билась, старуха, бросила.

А Сошка лежитъ—не шевельнется, не скажетъ, — какъ мертвая.

— Ой, батюшки! Господи, помилуй!

3.

Вотъ и бѣгутъ со схода: сотскій, десятскій и полицейскій со старикомъ, да съ Сергѣемъ.

А Сошка лежитъ — не шевельнется, не скажетъ — какъ мертвая.

Постояли надъ ней, постояли. Ну, что они могутъ сдѣлать?

— Сергѣй, — говорятъ, — поѣзжай за попомъ.

— Ой, батюшки! Господи, помилуй! — тыкалась старуха.

Сергѣй живо къ попу.

— Хозяйка очень трудна.

Попъ ѣхать не хочетъ.

— Пущай до утра. Помретъ, похороню.

Такъ и вернулся.

А Сошка лежитъ — не шевельнется, не скажетъ — какъ мертвая.

— Чего-жъ ты не сказалъ, что изъ веревки вынули?

И погнали назадъ къ попу.

— Батюшка, мы, вѣдь, ее изъ веревки вынули.

Ну, попъ и поѣхалъ:

— Какъ ее зовутъ?

— Софьей.

Попъ велѣлъ всѣмъ, выйти: исповѣдать, значить, надо.

А какъ вышли и остался попъ одинъ съ Сошкой—
Сошка, какъ мертвая,—взялъ онъ ее за руку.

— Софья! Софья!

— Что, батюшка?—тихо отозвалась Сошка.

— Что ты это дѣлаешь?

Сошка открыла глаза, приподняла голову: ничего незамѣтно, только на шеѣ подъ горломъ мѣсто красненькое.

— Невыносно!

Тихо она это сказала: „невыносно“,—а и вездѣ было слышно, и въ сѣняхъ, и на дворѣ тамъ—„невыносно!“

— Ой, батюшки! Господи, помилуй! — тыкалась старуха.

Сошка стонала.

Попъ благословилъ и вышелъ. Велѣлъ Сергѣю за докторомъ ѣхать. А самъ домой.

Пока-что дали лошадямъ маленько перехватить, пока-что, подошла полночь.

А Сошка опять лежитъ, какъ мертвая.

Собрался Сергѣй: пора ѣхать.

Вдругъ она сѣла.

— Не ѣзди!

И такъ хорошо говорить стала, все просила не ѣздить: ночь, вѣдь!—словно съ ней ничего и не случилось.

Сергѣй положилъ шапку: стало быть, не ѣхать!

И пошелъ лошадей распрягать.

А она на печку.

И больше ни слова.

Хотѣлъ было сотскій ее разспросить, дознаться,—молчить.

— Ахъ, каналья, каналья!

Такъ и разошлись: сотскій, десятскій и полицейскій.

И остался старикъ со старухой да мужъ, да на печкѣ Сошка.

Всѣ заснули, спать, не спать одна Сошка.

— Невыносно!—и красный знакъ на шеѣ жжетъ.

ДОШЛАЯ.

1.

Пристала Анѣиса къ Синкриту:

— Уходи жену, а со мной обвѣнчаемся!

Анѣисѣ полвѣка годовъ, вдовая, покойнаго мужа-то, ска-
зываютъ, заколотила въ гробъ, баба дошлая.

Худо жилъ Синкритъ съ женою: Агафья и молодая, да
послѣ Машутки надорвалась, видно, таяла, какъ свѣчечка.

Синкритъ и давно-бъ уходилъ Агафью, да какъ такое
дѣло обдѣлать не сразумишься, а, главное Машутка: все
смотреть—двѣнадцатый годъ дѣвченкѣ—все понимаетъ.

А Анѣиса свое ладить:

— Уходи жену, а со мной обвѣнчаемся!

2.

Вечеромъ вышла Агафья въ хлѣвъ задать корму коровѣ.
Дѣвочка въ домѣ за работу сѣла.

На волѣ снѣжокъ шелъ.

Вотъ Синкритъ, не будь глупъ, взялъ веревку, да въ
хлѣвъ. Подкрался съ веревкой къ Агафѣ, да сзади на
шею ей и набросилъ веревку. Дернулъ—петля есть!—и по-
тащилъ.

Агафья не пикнула.

Выволокъ ее на дворъ—дѣло чистое.

Агафья не пикнула, ошеломило ее вдругъ, да руки-то
какъ-то сами подъ веревку: руки-то она подъ веревку и
подложила.

Машутка вдругъ слышитъ, на дворѣ мать кричитъ, ой, какъ кричитъ! Застучала тамъ Машутка, въ домѣ-то, Синкрить поскорѣй веревку съ Агафьи и сдернулъ.

Машутка изъ избы на дворъ.

А мать ровно и не дышетъ, бѣлая такая стала.

— Тятя, чего ты? Тятя, чего ты?—ухватилась дѣвченка за отца: поняла, отъ него это.

И сама, какъ мать, стала бѣлая.

Притащили Агафью въ избу.

Тутъ Машутка догадалась, да за снѣгомъ. На волѣ снѣжокъ шелъ. Принесла снѣгу и ну матери въ ротъ класть и оттирать ее всю. Агафья вздыхать стала. А та третъ ее и третъ. И заговорила. За попомъ проситъ послать: худо ей.

А Анѣиса тутъ-какъ-тутъ: она себѣ чуетъ. И сейчасъ же мужика въ аптеку погнала за лѣкарствомъ.

Пришелъ попъ, исповѣдывалъ Агафью: она ему все рассказала, и какъ мужикъ лаялъ и какъ давилъ.

— Мнѣ,—говорить, — одинъ конецъ, натерпѣлась, Машутку жалко, некому дѣвчонку и напутствовать, мачиха-то забьётъ!

Попъ причастилъ и ушелъ.

Къ ночи вернулся изъ аптеки Синкрить, привезъ лѣкарство. Тамъ ему велѣли по капелькѣ давать, а онъ налилъ полрюмки.

Поутру стали—Агафья умерла.

3.

Всѣмъ распоряжалась Анѣиса.

Обрядили покойницу. Синкрить къ попу.

— Вотъ что, Синкрить, знаю я, отчего она умерла. Ты ее давилъ!

А Синкрить ровно оглохъ.

— Надо похоронить.

— Не стану хоронить!—и выгналъ попъ мужика.

Что дѣлать? Безъ попа похоронить невозможно. Перепугался Синкрить, кабы еще бѣды не было. А тутъ Машутка, смотритъ дѣвчонка, все понимаетъ.

— Тятя, чего ты? Тятя, чего ты?

Да Анеиса-то не такая, у ней на все есть догадка, дошла: погнала мужика въ городъ къ становому за похоронной.

Поѣхалъ Синкритъ въ городъ, добился до станового. Трое сутокъ прошло, похоронную досталъ.

— Слава Богу, похоронная есть!—перекрестилась Анеиса.

Все по ее. Теперь съ похоронной къ попу, что скажетъ?—похоронную если принесъ, хоронить надо.

И похоронили Агафью.

А послѣ Христова дня обвинчалъ попъ Анеису съ Синкритомъ.

ДРУГЪ.

1.

Ходилъ Василій въ лѣсу за охотой, идетъ и слышитъ, въ лѣсу шумъ. Сталъ подходить—тише и тише.

Медвѣдь напалъ на разбойника и разбойникъ не можетъ оборониться отъ медвѣдя.

Василій прицѣлился въ медвѣдя и убилъ.

Разбойникъ высвободился, отряхнулся.

— Ахъ, голубчикъ,—говоритъ,—освободилъ ты меня отъ смерти, приходи завтрашній день на это самое мѣсто, я тебѣ за добро добромъ отплачу, да приводи друга, лучше котораго у тебя нѣтъ на свѣтѣ.

Вернулся Василій домой, рассказалъ старикамъ. У Василія отецъ, мать да жена—все и семейство.

— Посулилъ разбойникъ добра мнѣ, только чтобы друга привелъ, котораго на свѣтѣ нѣтъ лучше.

Потолковали, потолковали, а не знаютъ, кого посовѣтовать, и кто это другъ самый лучшій?

А жена и говоритъ:

— Да возьми меня, чего еще лучше?

Вѣрно, чего лучше, и толковать не стоило.

2.

На другой день и пошли.

И приходятъ на то самое мѣсто, а разбойника нѣтъ.

— Обманулъ, видно, разбойникъ. Разбойникъ и есть!

А подождать все-таки не мѣшаетъ. Мало-ли, и разбойникъ, а тоже дѣла, дѣла, можетъ, задержали разбойныя. Покончить и явится.

Сѣли они на полянѣ. Распарило тепломъ. Онъ ей голову на колѣни и заснулъ.

Приходитъ разбойникъ.

Посмотрѣлъ разбойникъ на Василю, посмотрѣлъ на Дуню.

— Не понимаю,—говоритъ,—и что за охота съ такимъ худымъ жить? Ты выйди за меня замужъ, будешь у меня барыней!

А самъ смотреть—волоёмъ, здоровуцѣй парень.

— А куда я мужика-то дѣваю?—оскалилась Дуня.

— А на, возьми мою саблю, отруби ему голову.

Дуня взяла у разбойника саблю, размахнулась, а разбойникъ въ ту минуту ружье подставилъ, она саблей и ударила о ружье.

Ружье сбрякало, Василій проснулся.

— Вчера ты меня отъ смерти спасъ, а сегодня я тебя!—сказалъ разбойникъ.

А Василій спросонья ничего не разберетъ: видитъ, сабля валяется, и Дуня перепуганная.

Разбойникъ все ему и рассказалъ.

— Я же тебѣ говорилъ, приводи самаго лучшаго друга. Ну, привелъ бы собаку! Собаку вдругъ не прикормишь, она-бъ зачуяла и залаяла, ты бы и проснулся.

ТОЛОКНО.

1.

Жилъ одинъ мужикъ степенный Павелъ Андреичъ, первый охотникъ. Одно горе, съ глушинкой. Все за охотой: не зайца, перо приносилъ—добычу. Кормилъ жену тетерками да рябцами.

А жена Анисья, баба молодая, веселуха. Болтали про Анисью, непутно говорили, что при мужѣ тихоня, а за глазами вѣтеръ.

Дошло до Павла,—что ему дѣлать? Конечно, надо провѣрить: мало ли чего ни наскажутъ и такъ, здорово живешь, и по злобѣ.

„Не страшенъ звѣрь, отъ человѣка жди лиха. Скорѣи звѣрь дрогнетъ, человѣкъ не поведетъ усомъ!“—про это хорошо зналъ Павелъ, первый охотникъ.

Ходилъ Павелъ въ лѣсу, все думалъ.

И какъ бы это такъ ему дознаться, чтобы своими глазами увидѣть, правду о женѣ говорятъ люди или зря?

Попало ему въ лѣсу дупло большое.

„Стой,—думаетъ,—дай замѣчу, это мнѣ кстати!“.

Замѣтилъ дупло и домой.

А Анисья ластится.

— Что, муженекъ, много-ль настрѣлялъ?

— Чего настрѣлялъ? Не въ этомъ дѣло. А вотъ нашелъ я дупло, въ дуплѣ дуплянское чудо. Что тебѣ хочется, все исполнить.

— А гдѣ это, Павелъ, чудо?

— А какъ выйдешь въ лѣсъ, такъ на лѣвую руку за орѣшней, тамъ и будетъ дупло, тамъ это и есть. Подойди къ дуплу, да попроси, да поусерднѣй проси. Что тебѣ надо, все исполнить.

Ничего не сказала Анисья. Тихая такая стала, рано и спать легла. Или головушка болить?

2.

Спозаранку поднялась Анисья, да къ двери.

Смекнулъ Павелъ.

А указалъ ей давеча Павелъ дорогу къ дуплу кривлемъ, и какъ только Анисья за дверь и онъ за ней, да прямокомъ. Живо до дупла добѣжалъ и въ дупло.

Сидить въ дуплѣ, ждать.

Пришла Анисья. Стала на колѣни.

— Баба я молодая. Ну, какое житѣе мнѣ со псомъ моимъ оканнымъ? День-деньской на охотѣ. А вернется, дрыхнетъ. Позовешь, не слышитъ, тронешь, не шевельнется. Баба я молодая... Дуплянское чудо, ты слышишь?

А Павелъ ей изъ дупла толстымъ голосомъ:

— Чего тебѣ надо, все сдѣлаю.

— Глухой у меня пѣсъ, ослѣпи его, будь милосердный!— и до трехъ разъ кричала Анисья, стучала головой о корневище:—ослѣпи! ослѣпи! ослѣпи его!

— Ступай, баба, съ миромъ. Затопи печку. Пеки оладьи да мажь помасленѣе. Твой мужъ ослѣпнетъ. Черезъ трое сутокъ съ масла совсѣмъ слѣпой будетъ.

Поклонилась дуплу Анисья: не узнать—какъ повеселѣла!

Тутъ тихонько выскочилъ Павелъ да прямокомъ и поспѣлъ домой до жены.

Степенный былъ мужикъ Павелъ, разсудительный, первый охотникъ, а тутъ и безъ масла ровно ослѣпъ. Или не слышалъ, на что пеняла Анисья?

Вернулась Анисья.

— Гдѣ, жена, пропадала?

— У сосѣдки.

И не можетъ скрыться, такъ вся и пышетъ.

Затопила Анисья печку, стала печь оладьи. И давай поливать ихъ масломъ, да Павлу этакую миску.

— Кушай, муженекъ, на здоровье!

Павель и ну уписывать.

— Что-то у меня, жена, глаза стягиваетъ.

А Анисья схватила масла и еще прибавила.

— Ъшь, ѡшь масленѣ. Ходилъ въ лѣсу, усталъ. Поѡшь, отдохнешь и все пройдетъ.

Сама, знай, прибавляетъ масла.

Сѣлъ еще Павель оладьевъ—все лицо въ маслѣ.

— Что-то, жена, совсѣмъ плохо вижу: двоится.

Степенный былъ мужикъ Павель, разсудительный, первый охотникъ, а тутъ ровно и вправду со сладкаго масла ослѣпъ. Или не слышалъ, на что пенчала Анисья, не чуялъ, съ чего сама, какъ оладья, пышетъ?

И на другой день тоже, опять оладьи. И на третій оладьи, да все жирно, да съ масломъ.

На третій день ослѣпнетъ Павель.

Ждетъ не дождется Анисья, зарумянилась вся.

— Ну, Анисья, я теперь ничего не вижу.

Повѣрила Анисья.

— Чего ты говоришь?

— Ой, ничего-то не вижу. Будешь ли ты меня поить-кормить, слѣпого?

— Буду, буду, не безпокойся. Вотъ какъ буду!

Ужъ какъ рада Анисья.

Да и, въ самомъ дѣлѣ, она будетъ ходить за Павломъ. Богъ съ нимъ, только бѣ воля. А теперь ей воля: не слышитъ Павель и вотъ не видитъ—ослѣпъ.

3.

Прибралась Анисья, умылась.

Въ избѣ выметено, вычищено—чисто, любо взглянуть.

И до чего это воля человѣка красить!

Сбѣгала Анисья къ дружку. Привела дружка, усадила за столъ: полонъ столъ угощенья.

— Кушай, Саша, кушай, голубчикъ!

Ну, тотъ всего попробоваль.

— Еще чего не хочешь ли?

А дружокъ и говорить Анисьѣ:

— Всѣмъ я доволенъ. А хочется мнѣ толокна, замѣси, пожалуйста, я закушу.

Анисья проворно за толокно: сейчасъ и готово.

— Маслица бы немножко!

— Нѣтъ, нѣтъ, что ты! Отъ масла ослѣпнешь: мой-то отъ масла ослѣпъ. Погоди, я тебя послаще угощу.

Былъ на деревнѣ кабакъ. Анисья въ кабакъ и побѣжала: угостить она дружка послаще.

А Павелъ лежитъ на печкѣ, ружье около—и въ гробъ завѣщаль ружье съ собой положить. И какъ вышла Анисья, онъ за ружье, да въ дружка—хорошо стрѣлялъ Павелъ, первый охотникъ—такъ дружка на мѣстѣ и уложилъ. Самъ соскочилъ съ печки, закаталъ такой вотъ комъ толокна, напихалъ ему полонъ ротъ, да опять на печку. И лежитъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

Вернулась изъ кабака Анисья, а дружокъ—полонъ ротъ толокна. Позвала не слышитъ, тронула и не дрыгнетъ.

Вотъ тебѣ толокно какое!

ПРОКЛЯНУТАЯ.

1.

Богатый жилъ мельникъ Рябовъ—мельница въ трехъ верстахъ отъ деревни. И былъ у мельника сынъ, парень на всѣ руки, балалаешникъ. Разъ ввечеру посылаетъ мельникъ сына.

— Поди,—говорить,—Саша, сходи-ка на мельницу.

Забралъ Александръ балалайку и пошелъ. И тамъ засыпалъ молотье, а самъ въ избушку, сѣлъ на лавку да за балалайку. Сидитъ себѣ, играетъ и не замѣтилъ, какъ подошла полночь. А въ полночь будто вѣтеръ—полосой прошелъ по избѣ вѣтеръ. Поднялъ глаза, глядь—пляшетъ...

Залюбовался Александръ—этакая красавица,—и звончѣе пустилъ плясовую.

Плясала—подымала руки—плыла, заплывала, а то, какъ волчокъ.

— Какъ звать тебя?—крикнулъ Александръ.

Та засмѣялась:

— Настасей!

Да на него, что метелица, вотъ-вотъ вышибетъ балалайку, такъ и кружить, и кружить.

Александръ протянулъ руку—дай ухвачу—да носомъ въ полъ и ткнулся.

И нѣтъ въ избѣ никого.

Ночь. Вода гремитъ на плотинѣ.

Александръ положилъ балалайку и до утра просидѣлъ въ избушкѣ, все прислушивался, ждалъ: не придетъ ли?

Нѣтъ, вода гремитъ на плотинѣ.

Вернулся Александръ домой, думаетъ:

„Возьму молотья на двѣ ночи, доберусь, такъ не выпущу.“

А отецъ и говоритъ:

— Что ты, милый сынъ, не женишься, пора бы.

— А вотъ дайте, невѣсту выберу.

— Гдѣ же сынокъ, выбирать-то будешь?

— Да у насъ же, на мельницѣ.

Ничего старикъ не сказалъ: балагуръ и смѣхунъ Александръ, на всю деревню славился.

Къ ночи пошелъ Александръ на мельницу, засыпалъ восемь мѣръ молотья, да въ избушку и опять за балалайку.

И въ полночь опять ровно бы вѣтромъ,—и заходила нѣба.

Настасья плясала еще пуще, еще краше.

Александръ положилъ балалайку, привсталъ: ну, сейчасъ такъ и схватить. А она у него изъ подъ рукъ—и нѣтъ никого.

Ночь—ой, какая это долгая ночь!—шумъ, гремитъ вода на плотинѣ.

— Ну, ладно жъ, теперь не уйдешь.

И рѣшилъ Александръ: очень-то не разбавляться, а какъ явится, такъ прямо и хватать.

На третью ночь такъ и сдѣлалъ.

Въ полночь на звонъ балалайки появилась Настасья, зашла въ середку, онъ балалайку объ полъ, тутъ и попалаась.

— Ну, никому не отдамъ.

А она:

— Умѣлъ схватить, умѣй и замужъ взять.

— А гдѣ ты живешь?

— Ты скажи своему отцу: я нашелъ себѣ на мельницѣ невѣсту.

— Домъ твой?

— Въ плотинѣ.

Александръ разжалъ было руки. Да опомнился: нѣтъ, другой ему никакой не надо.

— Будутъ къ тебѣ на свадьбу проситься, отецъ твой богатый, всякому любо попировать на твоей свадьбѣ, но

поѣдетъ васъ трое, ты, крестный да кучерь, а больше никто не поѣдетъ. Да закажи попу, чтобы встрѣтилъ на полудорогѣ съ крестомъ. Да купи ты себѣ тройку вороныхъ жеребцовъ—съ мѣста, что есть прыти, бѣжали бы. Любишь меня?

У Александра духъ захватило: да кого же еще?

— Прок-ля-нутую?

Рванулась,—и нѣтъ никого.

Ночь. Вода гремитъ на плотинѣ.

Не дождался Александръ разсвѣта, и безъ баламайки домой.

2.

— Я нашелъ себѣ невѣсту,—сказалъ Александръ отцу.

— Гдѣ, сынокъ, нашелъ, чья?

— Проклянутая,—разсмѣялся Александръ,—въ нашей плотинѣ.

Старикъ глаза вытаращилъ: нѣтъ не шутить.

— Въ нашей плотинѣ. И другой никакой мнѣ не надо.

Купилъ Александръ тройку вороныхъ жеребцовъ, сѣздалъ къ попу, заказалъ, чтобы встрѣтилъ на полдорогѣ съ крестомъ, какъ поѣдутъ къ вѣнцу,—погостъ отъ деревни за двадцать пять верстъ. И сталъ съ отцомъ пиво варить да вино курить.

Все готово. Рябовъ домъ громокъ. Вся родня, всѣ сосѣди явились на свадьбу. До пьяна напились гости. Пора по невѣсту.

— Да гдѣ жъ у тебя невѣста?

— Моя невѣста—въ плотинѣ.

— Въ плотинѣ?..

Ну, кто говорить, что спать захотѣлъ, кто—простынуть, молъ, выйду, кто чего—куда хмель!—и какъ вѣтромъ, всѣ разошлись. Пусто въ домѣ. Одинъ крестный остался да кучерь.

А ужъ ночь на дворѣ.

Кони рвутся, гуляють колокольцы.

Благословилъ отецъ сына, сѣлъ Александръ съ крестнымъ,—только пыль заклубилась.

Вотъ и мельница. Вода гремитъ на плотинѣ. Остановилъ коней кучеръ.

— Эй, невѣста, — кричитъ Александръ, — твой женихъ готовъ.

Ночь—ой, какая ночь!—шумъ, гремитъ вода на плотинѣ. И вышла Настасья. А за ней три сундука тащатъ.

Сундуки на скамейку. Усѣлись. Кучеръ хлестнулъ лошадей.

А вдогонку вихоръ съ громомъ—пыль пылить.

— Ты не забылъ?

— Кони видишь.

— На полупути?..

— Будетъ, будетъ.

Полпути. Громъ громнѣе. Свистъ и вой. Пыль глаза заслѣпляетъ. Небо горить.

А попа все нѣтъ.

Кони станутъ. Пропадетъ надежда. Не гульлять колокольцы, плачутъ.

А попа задержали. Слышать, колокольцы плачутъ. Схватился да бѣжать. И поспѣлъ. Три раза обѣжалъ тройку съ крестомъ.

Ночь—какая ночь!—кони—вихоръ, колокольцы гульлять.

— Ну, счастливо, — перекрестилась Настасья, — не поспѣй попу въ часу, не видать намъ свѣта.

3.

Обвѣнчалъ попу молодыхъ, зоветъ чай пить.

Настасья къ попадѣ. Втащили сундуки. Раскрыла. Выбираетъ Настасья себѣ платье нарядиться. Выбрать не можетъ. Попадья тутъ же, заглянула въ сундукъ—глазамъ не вѣрить. Схватила изъ сундука полотенце, схватила другое—Господи!—да къ попу.

— Отецъ, наша дочка нашлась.

Попъ затрясъ головою.

— Наша дочка нашлась.

— Не пойму.

— Настя! Настя!..

А была у нихъ дочка, въ сердцахъ прокляла ее мать еще въ люлькѣ, а какъ подросла, ушла съ дѣвченками купаться и пропала.

Бросился попъ съ попадьею къ Настасѣѣ.

— Прости ты насъ, мать, отца: не со зла, въ сердцахъ.

А она—одно щедрое счастье: ей мало простить, все забудетъ и одарить—проклянутая и любимая.

И стали они жить—поживать, да добра наживать.

ХИТРАЯ.

I.

Разсердился староста на дьякона: староста Чижевъ не дай Богъ—чуть что, не поглядить, что храмъ Божій, при всѣхъ выговорить. Вотъ и съ дьякономъ Дамаскомъ вышло: проитрафился дьяконъ на пареміяхъ—забралъ больно высоко и на всеобщій соблазнъ кончилъ, совсѣмъ какъ пѣтухъ. Чижевъ и не вытерпѣлъ, да тутъ же и ляпнулъ при всемъ честномъ народѣ. Хуже того, воспретилъ дьякону на вѣчныя времена пареміи читать.

Въ позорищѣ выстоялъ Дамаскъ всенощную и ужъ какъ ночь провелъ, одинъ Богъ знаетъ, и обѣдню служилъ, ничего не помнить.

Но обѣднѣ пошелъ Дамаскъ съ повинной къ старостѣ: вѣдь, старался для благолѣнія и торжества, но что подѣлать, такой ужъ грѣхъ,—не соразмѣрилъ, и если другимъ смѣхъ и соблазнъ, ему пущее горе, и больше никогда онъ не допустить такого, попридержится, внизъ возьметъ.

— А хочешь вину съ себя снять,—сказалъ староста,—научи медвѣдя грамотѣ! Вотъ тебѣ и повинная.

Вернулся Дамаскъ домой къ дьяконицѣ.

— Или въ винѣ ходить до второго пришествія или медвѣдя грамотѣ выучи!

Плачетъ.

А дьяконица не такая.

— Чего ты! Медвѣдя? Да давай мнѣ только медвѣдя, эка!

Обрадовался Дамаскъ и скорѣе назадъ къ Чижову: вѣдь, всю жизнь на пареміяхъ положилъ.

— Согласенъ, давай медвѣдя!

Усмѣхнулся староста — чудное дѣло! — велѣлъ выдать дьякону медвѣдя.

И повелъ дьяконъ звѣря, Господи помилуй! отъ страха читаетъ.

— Александра Петровна, вотъ тебѣ, принимай!

2.

Если и человѣка, чтобы приучить, надо хлѣбомъ обязательно, а звѣря и подавно. Дьяконица такъ и сдѣлала, хлѣбомъ Мишу потчевала и привыкъ медвѣдь, пересталъ фурчать на дьяконицу, а по дьяконицѣ и на дьякона.

И какъ сталъ Миша въ домѣ свой человѣкъ, тутъ его за книгу дьяконица и засадила. Напечетъ блиновъ, между листами переложить, дастъ Мишѣ книгу, а онъ блины ищетъ, листы перебираетъ, мормочетъ.

— Ну, какъ настоящій профессоръ, — потѣха!

И за какую недѣлю медвѣдь съ книгою, какъ въ лѣсу съ медомъ, управлялся.

— Вотъ тебѣ, дьяконъ, и вся хитрость.

Дамаскъ Александрѣ Петровнѣ въ ноги: еще бы, теперь-то ужъ помилуютъ, станетъ онъ по-прежнему подъ большіе праздники пареміи читать, заберетъ верха — на всю церковь.

3.

Въ субботу Дамаскъ служилъ всенощную. Словно послѣ долгой болѣзни или послѣ поста на страстяхъ такъ истово служилъ дьяконъ и молебнo: сердце его было полно радостныхъ ожиданій. И ужъ какъ ночь провелъ, одинъ Богъ знаетъ, едва утра дождался, и какъ служилъ обѣдню, ничего не помнить.

По обѣднѣ пошелъ Дамаскъ къ старостѣ, медвѣдя повелъ.

— Медвѣдь читаетъ, какъ профессоръ!

Усмѣхнулся староста—чудное дѣло!—положилъ передъ звѣремъ книгу.

А Миша у дьяконицы-то привыкъ къ блинамъ, и сейчасъ же за книгу, да лапой и ну перелистывать, блиновъ искать.

— Моръ, моръ, моръ,—мормочетъ.

Ай, да дьяконъ, ну, и медвѣдь!

— Сущій профессор!—гоготаль Чижовъ, отгоготаться не можетъ.

А медвѣдь, знай, ищетъ, листы перебираетъ, на своемъ языкѣ мормочетъ.

И не только снялъ староста вину съ Дамаска: читай пареміи, хоть всякую субботу, и сколько влѣзетъ!—а и наградилъ за потѣху.

Да и гости, кто случился у старосты послѣ обѣдни за чаемъ изъ прихожанъ знатныхъ, дьякона такъ не пустили.

И пошелъ Дамаскъ домой къ дьяконицѣ: рожа во—сіяетъ!

Скажетъ дьяконъ спасибо Александрѣ Петровнѣ: съ такой ничего не страшно, съ такой не погибнешь на семъ бѣломъ и горькомъ свѣтѣ.

ЛУКАВАЯ.

По закону жить Вѣрѣ весь вѣкъ свой съ Ильей.

И жила Вѣра съ мужемъ сколько лѣтъ въ любви и мирѣ.

Да сердцу-то законъ не писанъ: полюбился ей Никита. Думала она, думала,—жизнь-то, вѣдь, одна!—тайкомъ и сдружилась съ Никитой. И все шито-крыто. Ужъ дите растетъ, а Илья ничего не подозреваетъ.

Жили они втроемъ, какъ въ законѣ.

Да не знаешь, гдѣ тебя настигнуть.

Поѣхалъ Илья въ командировку. Что-то не вышло въ дѣлахъ и неожиданно вернулся, и вошелъ въ комнату неожиданно—думалъ-то жену удивить, а больше самъ удивился: сидѣлъ съ женой пріятель Никита, и показалось Ильѣ, ужъ очень по домашнему что-то.

Или это ему показалось?

Нѣтъ, пѣтъ, что-то было. И боится Илья признаться, и не можетъ не думать: да неужто-жъ правда, жена измѣняетъ?

И совсѣмъ не узнать Илью, сталъ раздражительный, ко всему придирается.

Да и Вѣра ходить хмурая,—захмуришься!

Пропала жизнь.

И пропала-бъ, да Вѣра-то не такая.

— Хочу,—говорить,—поговѣть.

— Ну, что-жъ.

Ильѣ-то будто и полегчало

Разсудительный былъ Илья, понималъ: мало-ли какой грѣхъ насокомъ бываетъ, а покается и опять по старому жизнь пойдетъ.

На исповѣди Вѣра во всемъ призналась.

Выслушалъ ее о. Спиридонъ, хорошій батюшка, правильный.

— Вотъ что,—говорить,—Вѣра Васильевна, лучше всякаго поста и покаянія, откройся-ка ты мужу по всей по правдѣ.

Хорошо сказать: „откройся!“—только такое дѣло надо дѣлать очень умѣючи, а то не вышло бы такого и на свою да и на чужую голову.

Вѣра не такая, стой!—придумала.

Да надолго дѣла не откладывая, послѣ обѣдни-жъ зашла въ табачную лавку и сторговала себѣ страшенную маску съ сивой бородой, длиннющей,—вотъ она какая!

Вернулся со службы Илья, поздравляетъ.

— Не знаю,—говорить Вѣра,—что съ Колькой сдѣлать: плачетъ и плачетъ. Надо-бъ его попугать!

— А какъ-же это сдѣлать?

— А надѣнь ты маску, Колька увидить тебя такого, забойся и перестанетъ плакать.

И подала мужу страшенную маску съ бородою, сама въ дѣтскую. Раздразнила мальчонку, ну, тотъ и заревѣлъ.

Илья надѣлъ маску да тихонько къ дѣтской.

А Вѣра Кольку на руки да навстрѣчу.

— Иди прочь, дѣдъ, не дамъ тебѣ, не дамъ! Не твое, дѣдъ, дите, другого отца!

Мальчонка съ перепугу и утихнулъ.

И Вѣра повеселѣла: открылась!

А Илья на радостяхъ забылъ всякое сердце.

И пошла жизнь у нихъ по прежнему, какъ ничего и не бывало.

КЛЕЩАВАЯ.

Помирая, наказывалъ Кузьма Оринѣ:

— Попомни жъ, Орина, какъ помру, продай ты быка, и сколько возьмешь, пожертвуй въ церковь по душу.

— Что ты, Кузьма, быка! Я и еще чего изъ домашняго продамъ, будетъ по тебѣ поминъ.

Померъ Кузьма, похоронили.

Поплакала Орина, потужила, да въ первый же базарный день и повела быка на торгъ, да еще и Василия кота прихватила.

Ну, и идетъ Орина, а навстрѣчу мясникъ.

— Что, бабка, за быка просишь?

— Да мнѣ много не надо: двѣ семитки.

Посмотрѣлъ мясникъ.

— Полно смѣяться, говори толкомъ.

— Истинная правда, двѣ семитки. Только быка безъ кота не продаю.

— А много-ль за кота?—усмѣхнулся мясникъ: бабка-то, видно, того.

— Сорокъ рублей.

Мясникъ прикинулъ: дорогонько за кота, да ради быка купить стоитъ.

— Ну, по рукамъ!—и отдалъ Оринѣ сорокъ рублей, да еще и двѣ семитки.

Идетъ Орина домой—довольна: котъ Василій назадъ придетъ и деньги за кота при ней останутся—сорокъ рублей, а по душѣ даръ—цѣна быка, хозяйству не велика убыль.

Зашла Орина въ церковь, положила двѣ семитки.

Благодарила Орина Бога:

— Душенька упокоится, волю исполнила.

ПУПЕНЬ.

Рыли бабы по-наслыху кладъ на валу, Алена да Анисья. И вырыли бабы пупень и вдругъ отъ Ивана Предтечи—валъ-то у церкви—гуль пошелъ. Съ перепугу задрожали у бабъ руки—пупень въ яму, сами присѣли. И видятъ, идетъ по-валу старичекъ какой-то.

— Чего,—говорить,—вы, бабы, испужались?

Бабы ему въ ноги:

— Не губи, кладъ роемъ.

Ну, старичекъ посмотрѣлъ, посмотрѣлъ, да и говоритъ:

— Да нешто такъ роютъ? Этому кладу пора ночная.

И наставилъ старичекъ бабъ на разумъ, зря чтобы на валу не рылись, а ждали Пасху и на Пасху, между заутреней и обѣдней запаслись бы краснымъ яичкомъ и, кто-бы на валу ни показался, похристосовались бы, не пугаясь.

— Тогда самъ выйдетъ!

Старичекъ пошелъ своей дорогой, а бабы достали изъ ямы пупень и по домамъ ждать Пасхи.

Протянулась осень, прошла зима, катить весна-красна, а съ весною Пасха.

Еще на посту стало не до сна бабамъ: какой имъ такой кладъ выйдетъ!

Старичекъ-то училъ, запастись по яичку, а онѣ каждая себѣ по три выкрасили, подоткнулись и въ передникъ положили: какъ тотъ появится, чтобы поскорѣе яйцо ему въ руку сунуть—бери, отворяй кладъ!

Кончилась заутреня, бабы на валъ и ну рыть. И ужъ заступъ сталъ задѣвать за что-то: плита ли тамъ чугунная, либо котелокъ съ золотомъ? И пошелъ вдругъ гулъ отъ Ивана Предтечи—и гулъ, и зыкъ, и ревъ. Оглушило бабъ, а земля ровно кисель подъ ними, такъ и трясется.

И видятъ, идетъ по валу, ой! медвѣдь не медвѣдь, козобанъ: ротъ—отъ уха до уха, носъ, что чекуша, граблями руки, а глаза такъ и прыдаютъ. Идетъ, кривляется и гудитъ и гудитъ.

Стали бабы рядомъ, оперлись на заступъ, въ рукахъ по яйцу: такъ вотъ сейчасъ и похристосуются.

А тотъ словно крадется—и медленно, медленно и прямо на нихъ, да какъ рывкнетъ.

Выронили бабы яйца да бѣжать, да что есть духу, добѣжали до паперти, обѣ и обмерли.

Ну, тутъ добрые люди опрыскали бабъ святой водицей изъ колодезя: отъ усердія, думали, съ бабами такое вышло. И опомнились бабы, и скорѣе домой.

„Богъ съ нимъ и съ кладомъ, вѣрно въ землю ушелъ“.

А какой котелокъ тамъ былъ съ золотомъ, какая плита чугунная!

И остались бабы,—не кладъ, а пупень.

ХЛѢБНЫЙ ГОЛОСЪ.

Жилъ-былъ царь. И какъ не стало царицы, царь и призадумался: и то худо, что царицы нѣтъ, да на то воля Божья, и опять же хозяйство на рукахъ и не малое, надо кому распорядиться, надо и гостей принять честно, да чтобы все было, какъ у людей есть, а ему на старости лѣтъ дай Богъ съ царствомъ-то управиться.

А было у царя три сына, всѣ трое женаты, при стѣ жили. Вотъ царь и призвалъ къ себѣ снохъ, и старшую и среднюю и младшую, и рѣшилъ испытать, кому изъ нихъ большухой быть.

— Какой,—говорить,—голосъ дальше слышенъ?

Старшая думала, думала,—какой голосъ?

— Да вотъ,—говорить,—батюшка, намедни бычокъ за Москва-рѣкой рычалъ, такъ у Андроньева на обѣднѣ слышно было.

— Эка, дурѣха!—отставилъ царь старшую сноху и къ средней:—какой голосъ дальше слышно?

— Пѣтухъ у насъ, батюшка, седни пѣлъ по утру, а въ Соколинкахъ у мамушки слышали, Софоровна сказывала.

Царь только бороду погладилъ: ну, чего съ такой спросишь?—и къ младшей:

— Какой голосъ дальше слышно?

— Не смѣю, батюшка, сказать, сами знаете.

— Какъ такъ, говори, не бойсь.

— Хлѣбный голосъ дальше слышно.

— Какой такой хлѣбный?

— А такой, батюшка, если кто хорошо кормить, да голоднаго не забываетъ, накормить, согрѣть, утѣшить, про того далеко слышно.

— Ну, говорить царь,—умница ты, Поля, по-русски сказала, такъ и будь ты большухой.

И пошло съ этихъ поръ на Руси—хлѣбный голосъ всѣхъ дальше слышенъ.

КОСТЯНОЙ ДВОРЕЦЪ.

1

У царя Кирбита построенъ былъ дворецъ дубовый, по всей землѣ чище его дворца не было. Со всѣхъ концовъ наѣзжали къ Кирбиту гости, на дубовый его дворецъ любоваться.

А хозяйка его взята была дальняя, баба фуфурная.

— Ахъ,—говорить,—царь Кирбитъ, хорошъ твой дворецъ, а вѣдь изгниетъ же!

— Какъ такъ?

— А ты бы, Кирбитъ, такой дворецъ построилъ, чтобы не изгнилъ.

— А изъ чего жъ его строить?

— Да у тебя лѣсовъ, полей, луговъ не обозришь, сколько птицъ живетъ тамъ, разныя жертвы ѣдятъ: мясо обираютъ, а кости не трогаютъ. Собери эти кости, построй ты себѣ костяной дворецъ.

Понравилось царю: костяной дворецъ!

— А какъ эти кости-то собрать?

— А которая птица какую жертву ѣла, она кости оставила знаетъ гдѣ, она и принесетъ. А потомъ муравьевъ напусти, муравьи до-чиста выглотнутъ, и кость готова.

— А какую же птицу послать, чтобы птица оповѣстила.

— Синицу! Лучше синички нѣтъ никого.

2

Царь Кирбитъ жену послушалъ. А и въ самомъ дѣлѣ, лѣсовъ, полей и луговъ у него вдоволь, птицы живутъ,

жертвы ѣдятъ, костей сколько хочешь—сколько даромъ добра пропадаетъ!—наберетъ онъ этихъ костей, дворецъ построить костяной.

И посылаетъ царь синицу оповѣстить птицъ.

Полетѣла синица, облетѣла всѣхъ птицъ:

— Гдѣ какое мясо потребляете, кость не бросайте, а несите къ царю къ Кирбиту: передъ дворцомъ свалка.

Поднялись птицы лѣсные, полевые и луговые, несутъ кости къ Кирбиту.

И нанесли птицы изъ лѣсовъ, изъ полей и луговъ разныя кости, косточки, костки,—цѣлую гору костяную передъ дворцомъ наклали.

3

Призываетъ Кирбитъ синицу:

— Всѣ ли птицы за работой?

— Всѣ,—говорить синица,—одного сыча нѣту.

— Почему сыча нѣту?

— А я и не знаю.

— Такъ ступай, повѣсти сыча: если не желаетъ на моей землѣ жить, пускай вонъ убирается.

Повѣстила сыча синица.

Сычъ къ Кирбиту.

— Почему, Сычевъ, костьё не носишь?

— Извини, царь Кирбитъ, я законы просматривалъ.

— Какіе еще тамъ законы?

— „А кто бабу слушаетъ“...

— Стой!—перебилъ Кирбитъ,—я костяной дворецъ хочу строить.

— Есть такіе, по дворамъ ходятъ, кости для сахару собираютъ, костянки.

Царю и неловко.

И приказалъ царь птицамъ разнести кости за дворецъ въ рсѣь, а ровъ велѣлъ засыпать, чтобы и слѣда не оставалось,—неловко!

ТУШИЦА.

Печникъ Василій много на своемъ роду гдѣ бывалъ, по путямъ-путинамъ не мало хаживалъ, Богъ хранилъ, на одной, путинѣ осѣлся, до сей поры память.

Зашелъ Василій въ одну деревню въ сумерки, о ночлегѣ подумывалъ, да куда ни попросится—нигдѣ не пускаютъ.

А скоро и ночь, и совсѣмъ отчаялъ духомъ.

„Дай, — думаетъ, — хоть въ баню заберусь, тамъ до утра кое-какъ прокоротаю“.

Стояла на краю деревни баня, Василій туда тихонько, дверь отворилъ, — баня топлена! — да на полочекъ и запрятался. Хорошо — полеживай!

Одна бѣда: ѣсть больно хочется.

Лежатъ Василій, — сосѣтъ: ѣсть больно хочется! — и вдругъ слышитъ, вошелъ кто-то.

— Семѣнь! Семѣнь!

— Чего? — откликнулся Василій.

— На тебѣ бутылку вина и пирогъ съ рыбой. Я черезъ часъ приду.

Поставила на лавку, а сама за дверь.

Слѣзъ Василій съ полка, выпилъ, закусилъ. Бутылку подъ лавку, а самъ вонъ изъ бани.

„Придетъ настоящій, дастъ взбучку“!

А куда скрыться? Неподалеку овинъ. Василій въ овинъ. Въ овинѣ ничего нѣтъ. На цѣпяхъ сани подняты. Василій взобрался въ сани и залегъ. И только что размѣстился поудобнѣе, идутъ.

— Что ты,—говорить,—Дуняшка, такъ долго?

— Какъ! Я вамъ бутылку водки подаю и пирогъ съ рыбой.

— Никакой бутылки не видалъ.

Ну, посердился, посердился, помирились. Разговоръ про другое, потомъ совсѣмъ замолчали.

А Василию любопытно, приподнялся и давай черезъ головку саней тянуться. А оглобеля-то нѣту, сани какъ прыгнутъ, онъ головой на гумно.

Тѣ, какъ зайцы, и!—разбѣжались. А у Василія искры изъ глазъ.

Нечего дѣлать, вставай и или,—и здѣсь ему не мѣсто.

Побрелъ Василій на деревню. Что будетъ, то будетъ. Въ избенкѣ огонекъ. Заглянулъ въ окно: старуха собирается куда-то.

— Нельзя ли погрѣться?

— Ой, батюшка, я въ бабки снаряжаюсь. Иди, иди. Сейчасъ дочка съ бесѣды придетъ.

Старуха впустила Василія, а сама изъ избы.

Влѣзъ Василій на печку—тепло—разлегся. Скоро и дочка старухина пришла, а съ ней ея двѣ товарки.

Разгорѣлись дѣвки на бесѣдѣ.

— Ой,—говорять,—сестрица, давай въ тушицы поиграемъ!

Согласились, хохочутъ: все имъ смѣхъ.

Вышла дочка старухина, подвѣсили ее дѣвки за ноги къ воронцу печи-то; закрутятъ, она завьется, а ее похлопываютъ.

— Твоя тушица, моя душица!

Хлопаютъ, хохочутъ,—весело.

— Твоя тушица, моя душица!

Василій лежалъ, лежалъ, любопытство-то разбираетъ, что за тушица, и потянулся съ печи—кирпичъ полетѣлъ, а онъ съ печи да головой объ полъ.

Поднялся и не помнитъ, какъ изъ избы вылетѣлъ, только дома ужъ опомнился—вотъ она какая тушица!

КУКУШКА.

1.

Всѣхъ пригожѣй была дѣвочка Машутка, двѣнадцать лѣтъ ей минуло.

Ходила Машутка на прудъ купаться. Плескались и играли на водѣ подружки. Вотъ вышли, одѣлись, а Машутка послѣдняя—и платя ея нѣту.

— Ну, идите домой, гдѣ нибудь да розыщу.

Сѣла Машутка на бережку, раздумываетъ: или куда въ кусты занесло ея платье?

Выходитъ Змѣй изъ воды.

— Вотъ ваше платье, идите за меня замужъ!

— Какъ я пойду? Нельзя.

— А ты только слово дай.

Ну, пойду.

Машутка сказала „пойду“, Змѣй ей платье и отдалъ.

Одѣлась она проворно и бѣгомъ, догнала подружекъ, но ничего о Змѣѣ, и дома никому ни слова.

Прошло четыре года, выросла Машутка невестой. Просватили ее за одного человѣка, и назначенъ былъ день играть свадьбу.

Слышитъ Змѣй—выдаютъ Машутку, ночью вышелъ изъ пруда и укралъ ее.

Приѣзжаетъ женихъ, а Машутки нѣтъ—пропала.

Потужили, погоревали, да никто пособить не можетъ: судьба ужъ такая.

Живетъ Машутка въ пруду у Змѣя, не Машутка, Марья Змѣвна. Ладно живетъ со Змѣемъ, за три года прижила себѣ сына и дочку. Хорошо ей въ пруду, не на что жаловаться, всего вдоволь, всѣмъ довольна, только хочется, хотъ разохъ, дома побывать.

И просится Марья у Змѣя въ гости къ отцу, къ матери. посмотрѣть на нихъ, старикамъ внучать показать.

Змѣй отпустилъ.

Забрала Марья ребятишекъ, да изъ пруда по дорожкѣ и прямо къ дому—такъ близко, рукой подать.

Увидала старуха, обрадовалась.

— Гдѣ, дочка, поживаешь?

Марья ей все и рассказала о прудѣ, о Змѣѣ и какъ живетъ она ладно, ни въ чемъ горя не видитъ, и одно скучно—по родному дому.

Пришелъ съ поля старикъ, занялся внучатами.

Угостили дочку.

Стала мать пытаться у ней о Змѣѣ.

— Когда приходишь, разговариваешь съ нимъ?

— Какъ-же! Вотъ вернусь и скажу: „Змѣй, Змѣй, отвори мнѣ двери!“ Вода раздвоится, окажется коридоръ, лѣстница крутая...

Полегли спать.

А старуха не спитъ, думаетъ все, жалко ей дочери.

До свѣту взяла она саблю старикову—воевалъ когда-то старикъ—да съ саблей на прудъ, да голосомъ дочернымъ, по-марьиному, и кличетъ надъ водой:

— Змѣй, Змѣй, отвори мнѣ двери!

Услышалъ Змѣй—Марьинъ голосъ!—пошелъ, отворилъ двери.

А старуха саблей на него,—всѣ головы и снесла прочь. И замутился прудъ кровью.

Бѣжитъ старуха съ пруда—чуть заря играетъ—машетъ саблей.

Проснулась Марья: что такое?

— Ну, молись,—шепчетъ старуха:—освободила тебя отъ напасти! Никогда туда не вернешься.

Догадалась Марья—Змѣй не живъ!—ничего не сказала, взяла дѣтей и вышла изъ дому, а итти ужъ некуда—не вернуться въ прудъ.

Обняла она сына:

— Ой, сынокъ, навѣкъ я несчастна! Ты ударься о землю, сдѣлайся ракомъ, до вѣка ползай.

И ударила мальчика о землю и поползъ онъ къ пруду.

Обняла она дочь:

— Ой, дочка, навѣкъ я несчастна! Ты ударься о землю, сдѣлайся пташкой, летай до вѣку.

И ударила дѣвочку о землю и полетѣла она синичкой къ пруду.

— А я, ой, навѣкъ я несчастна, полечу я кукушкой, буду вѣкъ куковать.

И ударилась Марья о землю—и слышно, тамъ за прудомъ по зарѣ закуковала.

Вотъ почему кукушка такъ горько кукуетъ.

ПРИМЪЧАНІЯ.

Положено въ основу разсказовъ моихъ народное. Я пользовался слѣд. сборниками: Н. Е. Ончуковъ, Сѣверныя сказки, Зап. Имп. Рус. Географ. Общ. по отд. этногр. XXXIII т. Спб. 1908 г., Д. Н. Садовниковъ, Сказки и преданія Самарскаго края, Зап. Имп. Рус. Географ. Общ. по отд. этногр. XII т. Спб. 1884 г., Борисъ и Юрій Соколовы, Сказки и пѣсни Бѣлозерскаго края. Изд. Отдѣл. Рус. Яз. и Словесн. Имп. Акад. Н. 1915 г., Русскія звѣтныя сказки, Валаамъ, годъ мравобѣсія, А. Н. Афанасьевъ, Повѣсти о мудрыхъ женахъ, Лѣтописи Рус. Лит. и Древ. М. 1863 г. т. V.

Безстрашная	Сад. 4.
Братнина	Онч. 71.
Ворожея	Онч. 191.
Вѣрная	Сок. 17.
Догадливая	Онч. 205, Сад. 79, Ае. П. 3.
Дошлая	Сок. 70.
Другъ	Сок. 99.
Жалостная	Онг. 104.
Желанная	Онг. 96, 170.
Клещавая	Ае. П. 4.
Костяной дворецъ	Ж. С. 1912 г. II—IV, 4.
Красная сосѣнка	Грязовецъ.
Кукушка	Ж. С. 1912 г. II—IV, 5.
Кумушка	Онг. 285.
Лепетливая	Сок. 14, 107.
Лихая	Онч. 95.
Лукавая	Ае. П. 2.
Лѣшая	Сок. 124.
Мудрая	Сок. 11.
Нелюбая	Сок. 71.
Несчастная	Ж. С. 1912 г. II—IV, 14.
Обиженная	Сад. 72-е.
Обреченная	Онч. 147.
Оклеветанная	Онч. 80.
Оггадчица	Онч. 94, Сад. 40.
Отчаянная	Онч. 294.
Подружки	Онч. 288.
Поперечная	Онч. 217, Сад. 24.
Потерянная	Онч. 184.
Проклянутая	Сок. 28.
Пупень	Сад. 112-ю.
Робкая	Онч. 289.
Сердечная	Онч. 286.
Сердитая	Сок. 45.
Суженая	Онч. 120.

Толокно	Сок. I, Онч. 50, 139, З. С. LXVII.
Тушица	Сок. 92.
Умница	Сок. 64.
Хитрая	Аѳ. П. I.
Хлѣбный голосъ	Э. О. 1891 №
Шавая	Сад. 73.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
Суженая	9
Желанная	12
Обреченная	15
Жалостная	18
Потерянная	20
Робкая	23
Оклеветанная	26
Отчаянная	35
Поперечная	37
Лихая	42
Братнина	45
Подружки	50
Красная сосенка	53
Кумушка	55
Ворожея	58
Сердечная	60
Отгадчица	62
Догадливая	65
Лепетливая	69
Мудрая	73
Вѣрная	80
Умница	86
Лѣшая	88
Несчастливая	92
Безстрашная	95
Обиженная	97

	СТР.
Шавая	99
Сердитая	100
Нелюбая	103
Дошлая	107
Другъ	110
Толокно	112
Проклянутая	116
Хитрал	121
Лукавая	124
Клещавая	126
Пупень	127
Хлѣбный голосъ	129
Костяной дворецъ	131
Тушица	133
Кукушка	135
Примѣчанія	139
Оглавленіе	143